Грешник

Автор:
Эмма Скотт

Грешник

Эмма Скотт

Freedom. Романтическая проза Эммы СкоттАнгелы и демоны #1

ЛЮСИ

Я всегда считала себя интровертом. У меня была маленькая квартирка на Манхэттене и огромный стеллаж с романами о любви.

Вечерами компанию мне составлял Эдгар, цветок в горшке. А парочки в метро раздражали: на их фоне я острее чувствовала себя одинокой.

В тот день я обнаружила на пороге дома незнакомца. В его черных как смоль глазах отражалась вечность.

Он напоминал скульптуру эпохи Возрождения. Из его белоснежной спины росли два черных крыла.

Сердце подсказывало: нужно помочь. Хотя хотелось бежать. Бежать прочь от Кассиэля, живого олицетворения моих темных демонов. И той частицы меня, которая была мне не знакома.

Кто знает, возможно, он мое самое страшное проклятие.

КАССИЭЛЬ

Давным-давно у меня была яркая жизнь. Я командовал целыми армиями.

Теперь же мое оружие – человеческие желания и страсти.

Я самое настоящее зло, исчадие ада. И мое время на исходе.

Жажда искупления невыносима. Возможно, уже слишком поздно: у меня много грехов. Но каким бы невероятным это ни казалось, я стремлюсь к лучшему.

Страшно отдавать свою вечную душу в руки простой девушки. Но знаю, Люси сможет мне помочь.

Она соткана из света и укажет мне путь к спасению из бездонной тьмы.

Уверен, Люси вспомнит меня и то, что нас связывало…

Эмма Скотт

Грешник

Посвящается папе, который, как мне нравится думать, сейчас рядом, в соседней комнате.

И Иззи, моей храброй девочке, которая первой шагнула в неизвестность.

Посылаю вам всю свою любовь.

Emma Scott

The Sinner

Copyright © 2021 by Emma Scott

© Гладыщева Е., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Плей-лист

Voodoo // Godsmack (вступление)

Scared to Live // The Weeknd

Devil Inside // INXS

Lady in Red // Chris de Burgh

Follow You // Imagine Dragons

Underneath It All // No Doubt (feat. Lady Saw)

Sympathy for the Devil // The Rolling Stones

exile // Taylor Swift (feat. Bon Iver)

all the good girls go to hell // Billie Eilish

Thistles & Weeds // Mumford & Sons

Thinking Out Loud // Ed Sheeran (Эпилог)

Примечание автора

Описанные в этом романе концепции жизни, смерти и того, что находится между ними, являются сугубо моим воображением и не предназначены для интерпретации как защиты, так и опровержения какой-либо существующей религии. Я не обладаю особенными знаниями; тайны Вселенной останутся тайнами до того момента, пока каждый из нас в свою очередь не шагнет в неизвестность. Этот роман – моя попытка исследовать тайны бытия, чтобы лучше понять определенные события в моей жизни и просто ради удовольствия дать волю своему воображению. Эта книга также является моей искренней одой любовному роману, мечтателям и романтикам (читателям романов), которые понимают ценность и силу любовных историй.

Предупреждение

Пожалуйста, обратите внимание, что эта книга содержит материалы, которые некоторым чувствительным читателям могут показаться неприятными. Такие как смерть члена семьи, насилие и выкидыш (в качестве упоминания). Я искренне надеюсь, что отнеслась к этим проблемам с должным вниманием, которого они заслуживают. Предназначена для читателей от восемнадцати лет и старше.

Глоссарий

Ангел: душа, которая проявляет энергию добра.

Аникорпус: животная форма, которую принимает демон, чтобы более свободно передвигаться по Этой Стороне. Не следует путать с фамильяром (см. словарь

ниже).

Эрцгерцог Ада: высокопоставленный демон.

Вавилонская империя: империя, которая доминировала в регионе Месопотамии между XIX и XV веками до н.?э. и снова между VII и VI веками до н.?э.

До нашей эры (до н.?э.): записанная история, предшествующая нулевому году.

Братия: двенадцать высокопоставленных демонов, которые служат непосредственно эрцгерцогу Кассиэлю и командуют его легионами.

Наша эра (н.?э.): с нулевого года по настоящее время.

Переход: переход с Одной Стороны на Другую, обычно путем смерти. Только могущественные демоны могут перемещаться в обе стороны по своему желанию, в то время как другие переходят только по вызову.

Демон: душа, которая проявляет энергию зла.

Джинн: демон, насильно привязанный к конкретному месту, человеку или другому демону на определенное количество времени или до тех пор, пока не будут выполнены назначенные условия.

Фамильяр: животное-компаньон демона. Например, муха, змея, коза. Не у каждого демона есть фамильяр.

Забвение: стирание всей памяти о Другой Стороне и всех предыдущих жизнях перед началом нового цикла (жизни) на Этой Стороне, чтобы облегчить обучение. Память восстанавливается при Переходе (смерти).

Бог: Благожелательный Неизвестный.

Гримуар: книга заклинаний, которая также может содержать заклинания для вызова духов или демонов.

Хаммурапи: царь первой вавилонской династии, правивший примерно с 1792 года до н.?э. по 1750 год до н.?э.

Небеса: собирательный термин для всех ангелов на Другой Стороне. Неконкретное место.

Преисподняя: собирательный термин для всех демонов на Другой Стороне. Неконкретное место.

Инанна: шумерская богиня войны.

Ларса: шумерский город-государство, завоеванный вавилонским царем Хаммурапи в 1699 году до н.?э.

Младшие слуги: самые низшие, примитивные демоны, безумные в своей жажде человеческой боли. Они служат в легионах более могущественных демонов в качестве пехотинцев и напоминают голодных бродячих собак или лысых крыс. Также известны как бесы.

Месопотамия: регион между реками Тигр и Евфрат, родина древних цивилизаций, таких как шумерская и вавилонская, ныне современный Ирак.

Небытие: полное прекращение существования. Окончательное и бесповоротное. Полное исчезновение. Только очень могущественные демоны могут отправить другого в Небытие и только тогда, когда этот демон находится в своем человеческом обличье.

Другая Сторона: царство, в которое душа возвращается после смерти и перед новой жизнью. Царство ангелов и демонов. Человеческий разум не может полностью постичь Другую Сторону, и знание или память о ней лишили бы жизнь человека смысла (см. значение «Забвение»).

Рим-Син I: король Ларсы, правил примерно в 1758–1699 годах до н.?э.

Слуга: любой демон, находящийся в услужении у более могущественного демона. У высокопоставленных демонов могут быть легионы слуг.

Шумеры: древняя цивилизация, существовавшая в регионе между реками Тигр и Евфрат, называемом Месопотамией, ныне современный Ирак.

Эта Сторона: жизнь на Земле.

Завеса: грубое и крайне упрощенное объяснение барьера между Этой и Другой Сторонами.

Уту: шумерский бог солнца.

Зиккурат: месопотамский храм, архитектурный предшественник пирамид.

Зу: «Грозовая птица». Демон из шумерских преданий.

Часть I

Мой Люцифер одинок.

Билли Айлиш

1

Я думала, что мой день не мог стать еще хуже, но потом обнаружила мертвое тело.

Для пятницы рабочий день выдался ужасным. Экспресс приехал не вовремя, из-за чего я опоздала, и дальше все пошло по наклонной. На утреннем совещании Гай Бейкер принял меня за стажера – разносчика кофе, хотя мы почти два года работаем вместе. Что означало, что он до сих пор не знал о моем существовании. По дороге домой поезд был набит битком, все плотно прижимались друг к другу, и молодая парочка в нескольких шагах от меня воспользовалась этим обстоятельством. Она прильнула к нему, он прижался к ней, и они смотрели друг

на друга так, будто всего мира для них больше не существовало. Их счастье было прекрасным, но на контрасте с ним мое одиночество ощущалось еще острее.

В довершение всего на пустыре за моей квартирой был обнаружен вышеупомянутый труп.

Технически пустырь являлся парадной аллеей. Здание, в котором я живу, находится в Адской кухне[1 - Адская кухня – район Манхэттена, также известный как Клинтон.], и в семидесятых годах, во время строительного бума, его сильно покромсали. Мою крошечную студию едва ли можно назвать настоящей квартирой, скорее придатком – локтем, отрубленным от тела. Он торчал на краю второго этажа, и единственный способ туда попасть – обойти здание сзади, пройти через заваленную мусором площадку и подняться по шаткой лестнице. Внутри квартира была едва ли больше обувной коробки, но зато могла похвастаться единственным большим окном. Пускай вид в основном открывался на соседнее здание, зато утром здесь становилось чудесно светло.

И все это принадлежало мне. На Манхэттене.

Каждый раз, когда я запиралась на ночь на три засова и три цепочки, то напоминала себе, что у меня нет соседей по комнате, которые не давали бы мне спать, или ели бы мою еду, или занимали крошечную ванную… или с которыми можно было бы поболтать с утра за чашкой кофе. Или, свернувшись калачиком на тесном диванчике, смотреть Netflix, мечтать и делиться надеждами. Например, как я надеюсь, что Гай Бейкер наконец-то меня заметит и возьмет с собой в кругосветное путешествие на своем пятидесятифутовом паруснике, и мы, теперь уже вдвоем, продолжим нашу работу в «Оушен Альянс». Мы влюбимся по уши, как описывают в любовных романах, которые я читаю каждый вечер. Но подобная любовь для меня подобна обещанию, которое никогда не будет выполнено.

Что звучит довольно драматично, понимаю. Мне всего двадцать три; у меня впереди целая жизнь, чтобы влюбиться. Но терзавшее меня одиночество казалось намного старше двадцати трех лет.

В тот ранний апрельский вечер, по пути от метро, я пыталась отрешиться от дерьмового дня с помощью своей любимой фантазии. В которой мы с Гаем

плывем вокруг Гибралтарской скалы или вдоль побережья Кейптауна – неважно где, – выполняя миссию «Оушен Альянс», при этом оба увлечены и неутомимы. В данной фантазии мы возвращаемся на его яхту после изнурительного дня на траулерах и мусорных баржах, где вытаскивали тонны пластикового мусора из воды. В крошечной каюте он смотрит на меня, усталый, но счастливый, и мы бросаемся в объятия друг друга. Он отчаянно целует меня, затем обхватывает мое лицо своими огромными, загрубевшими ладонями, пристально смотрит своими светло-голубыми глазами, как будто не в силах отвести взгляд.

– Люси, – хрипло произносит он. – Без тебя я больше никогда не захочу этим заниматься.

Я с трудом сглатываю, задыхаясь от эмоций.

– Тебе никогда и не придется.

Мой любимый диалог. Он состоялся уже тысячу раз в моих жалких фантазиях. Фразы, которых я набралась из сотен любовных романов, заполонивших мою квартиру. Книги занимали большую часть стены, на которой больше не осталось места ни для чего.

Я завернула за угол к своему дому. Перед моим мысленным взором мы с Гаем падали на кровать, достаточно широкую для двоих, и море мягко нас покачивало, но в следующее мгновение я резко остановилась, и у меня перехватило дыхание.

Он мертв.

Слова всплыли в голове прежде, чем глаза осознали увиденное: мужские ноги, длинные и стройные, с рельефными мышцами. Обнаженные и алебастрово-белые. Белизны фарфора или мрамора. Как будто сам Давид Микеланджело упал на асфальт.

Я огляделась в тусклых сумерках. Все было тихо, если не считать звуков «Телемундо»[2 - Telemundo – вторая по величине испаноязычная телекоммуникационная компания США после своего главного конкурента в испаноязычном сегменте телезрителей – компании «Унивисьон». (Здесь и далее – прим. пер.)] из открытого окна миссис Родригес на третьем этаже.

Я сделала шаг. Потом еще один. Телефон уже сжимала в руке, готовясь позвонить в 911. Но пальцы не слушались, мой взгляд был прикован к этим слишком идеальным ногам. Они казались ненастоящими. Сюрреалистичными.

«Возможно, это манекен. Не стоит звонить в полицию только из-за того, что универмаг свалил мусор на твоем заднем дворе».

Если это всплывет на работе, мне ни за что такого не забудут. «Глупышка Люси», – скажет Эбби Тейлор, качая головой, в то время как на ее камере будет гореть красный огонек записи. Не бывать этому. В «Оушен Альянс» я почти ни с кем не разговаривала, разве что во время совещаний, да и то только чтобы поддержать мнение большинства по какому-нибудь вопросу. Даже если на самом деле была несогласна. Даже если у меня были свои собственные идеи.

Теперь я приблизилась достаточно и поняла, что это определенно не манекен, а мужчина. И его тело такое же безупречное, как и ноги. Незапятнанное. Ни шрамов, ни веснушек, ни волос, кроме густой копны черных кудрей на голове. На фоне светлой кожи они казались темнее ночи. Мужчина лежал на животе (я отвела взгляд от идеальной, упругой округлости его ягодиц), закрыв глаза и положив голову на мускулистое предплечье. Другая рука – правая – была вытянута на земле, как будто он тянулся за чем-то, когда…

«Упал?»

Я перешагнула через его крыло – о боже, о боже, о боже мой! – и остановилась возле мужчины. Настолько близко, насколько хватило смелости. Его лицо завораживало. Полные губы, острые скулы и густые брови, черные как смоль. Он напоминал скульптуру эпохи Возрождения. У него был прямой греческий нос и настолько совершенная, точеная линия подбородка, что возникали сомнения в их человеческой природе.

«Не совсем человек? Глупышка Люси, ты разве не заметила эти крылья?»

Я заставила свои глаза принять увиденное.

Это не плед частично прикрывал спину мужчины.

И не сумеречные тени играли злую шутку с моим зрением.

Между идеальными лопатками незнакомца росли два огромных крыла, покрытых длинными блестящими черными перьями. Каждое было длиной с его тело, и при ходьбе их кончики, вероятно, достигали лодыжек. По моим подсчетам, размах крыльев должен был составлять более двенадцати футов.

«У него был размах крыльев».

Я невольно тихо вскрикнула, когда полные губы мужчины приоткрылись, а затем он внезапно сделал мучительный вдох, как будто долго задерживал дыхание. Со стоном выдохнул, и от этого звука по моей спине пробежала дрожь, в равной степени от страха и странного, дразнящего трепета.

Кем бы ни было это существо, оно живое. Я нервно покрутила в руках свой телефон.

«Куда ты собираешься звонить? В 911 или в службу контроля за животными?»

Из меня едва не вырвался безумный смешок, но в этот момент мужчина открыл глаза. Смех превратился в сдавленный вскрик, и телефон выпал из моих трясущихся рук.

Глаза незнакомца были абсолютно черными. Ни радужки, ни белков. Зрачки – если они у него были – терялись в чернильно-черных озерах. В те несколько секунд, которые показались вечностью, у меня мелькнула лихорадочная мысль, что его глаза вовсе не черные, а пустые. У них не было цвета. Света. Тепла.

Ничего хорошего…

Я не могла сказать, смотрит ли он на меня, но чувствовала его взгляд. Он меня видел. Ониксовые глаза пронзали насквозь, словно ледяной клинок. Я задрожала и покачнулась, чувствуя, как меня затягивает в эту бездонную черноту. Пропасть, из которой не было пути назад.

Мужчина оторвал от земли вытянутую руку и, потянувшись ко мне пальцами, прерывисто и хрипло прошептал:

– Помоги мне…

Я отшатнулась. Ударилась затылком о кирпичную стену, и меня поглотила тьма.

2

Огонь факела подрагивает, отбрасывая танцующие тени на Окровавленные стены. Камни скользкие от крови. Пол тоже, и здесь так темно. Крики эхом разносятся по узкому коридору. Его крики, поднимающиеся из самых недр храма. Коридор расширяется, превращаясь в камеру. Тела – четыре из них – лежат на каменном полу, под их головами лужи крови, пропитавшей спутанные черные волосы. Пятое тело – женщина, все еще жива. Она стоит на коленях, связанная и с кляпом во рту. Смотрит на кричащего мужчину. Он тоже связан, его твердая, мускулистая плоть порезана в дюжине мест, все тело изуродовано пытками.

Их взгляды встречаются над пропитанными кровью камнями, воздух наполнен смертью и болью. Он качает головой, в его глазах агония. Яркая и острая. В свете факела поблескивает приставленное к горлу женщины лезвие. И снова раздаются его крики, хриплые и рваные; он бьется в своих оковах, как одержимый. Молниеносное движение, и кровь льется потоком, а женщина падает на камни, которые сотканы из тени, проваливаясь в темноту. Крики мужчины – теперь с оттенком ярости – несутся ей вслед.

Вопли превращаются в крик ворона, черные крылья расправляются…

Затем слышится мольба, сдавленная от горя:

– Прости меня…

Ахнув, я распахнула глаза. Резко села спиной к стене на пустой площадке. Сумеречные тени сгущались по мере того, как садилось солнце. Я потеряла не меньше часа на… что?

«На сон. Это был сон…»

Чем бы это ни было, оно быстро ускользало от меня, и я не могла ухватиться за воспоминания. Храм? И столько крови…

– Как раз вовремя, – устало пробормотал низкий голос. – Я уже собирался сдаться и найти кого-нибудь другого.

Еще один тихий вскрик сорвался с моих губ, и я сильнее прижалась к стене. Мужчина все еще находился здесь, привалившись к деревянному поддону. Он подобрал ноги к себе, чтобы скрыть наготу.

По крайней мере, я думала, что это был один и тот же человек.

Сейчас он выглядел не таким высоким, но более крепко сложенным и мускулистым. Крылья исчезли, а бездонные черные глаза теперь стали темно-янтарными и наблюдали за мной. Внимательно. Его кожа была уже не бескровно-белая, а здорового оливкового оттенка… за исключением покрывавших тело шрамов. Множества шрамов. Порезы на торсе. Один на бицепсе. Еще один на шее. И круг размером с серебряный доллар на левой стороне груди. Прямо над сердцем.

Я с трудом поднялась на ноги.

– Что происходит?

– То, что происходит, – это только начало. – Мужчина, прищурившись, посмотрел на небо, на заходящее солнце. – И конец.

– Я не понимаю. Как долго я была?..

– Без сознания? Около часа.

Я содрогнулась от мысли, что столько времени провела в отключке рядом с голым мужчиной, сидевшим напротив меня. Он, казалось, прочитал мои мысли и положил ладонь на ужасный шрам на груди.

– Gek pro’ma-ra-kuungd-eh. Священный обет. Я не причиню тебе вреда. Ни в этой жизни, ни в какой-либо другой.

Я понятия не имела, что он сказал – или даже на каком языке… но убежденность в его глубоком голосе немного меня успокоила.

Я облегченно вздохнула.

– Кто ты такой?

– Я Кассиэль.

Кассиэль. В середине слова он словно прошипел. От этого звука по спине пробежали мурашки. То ли от испуга, то ли от предвкушения. Мне хотелось произнести его имя. Хотелось попробовать на языке.

– Что это за имя? Откуда?

– Старинное, – ответил он. – А как тебя зовут?

– Люси.

– «Люси» происходит от латинского и означает «рожденная светом», – усмехнулся Кассиэль. – Какая ирония.

На вид я бы дала ему лет двадцать пять или около того, но говорил он так, словно был старше. В каждом слове сквозили пресыщенность и доля сарказма, а еще я не могла определить, что у него за слабый акцент.

– Как ты тут оказался? – спросила я. – На тебя напали?

Я надеялась, что все было именно так, как выглядело: на него напали, раздели догола и бросили умирать.

Кассиэль склонил голову набок.

– Ты уже беспокоишься о моем благополучии? Это хорошее предзнаменование. Но прибереги свою жалость; никто не причинил мне вреда. Переход всегда труден.

Я кивнула, как будто его объяснение вполне логично, и медленно двинулась к деревянной лестнице, которая вела к моей квартире.

– Ладно… Хорошо, тогда я, пожалуй, позвоню в полицию…

– Никакой полиции.

– Но тебя ограбили, разве нет?

– Да, меня ограбили. Но то, что отняли, мне больше не принадлежит.

– Эм, ладно. – Он говорил загадками, но боль в его голосе была настоящей. – Есть ли еще кто-то, кому я могу позвонить? Семья?..

– Ты меня не боишься?

Я сглотнула.

– А должна?

– Большинство людей боятся.

– Ла-а-а-дно, – я сделала шаг назад. – Мне действительно кажется, что я должна кому-нибудь позвонить.

«В полицию или, может быть, в психиатрическую лечебницу».

Кассиэль пригвоздил меня своим янтарным взглядом.

– Ты веришь во второй шанс, Люси Деннингс? Даже для самых страшных грешников? Несмотря на немыслимые преступления?

Полное горя и кровавой смерти видение, сон или что бы там это ни было про зияющую пропасть накрыло меня своей тенью. Я похолодела и чуть не упустила тот факт, что ему известно мое полное имя.

– Я… Я тебе не говорила…

Кассиэль пробормотал что-то на незнакомом мне языке – что-то экзотическое и древнее.

– Прости меня, Люси Деннингс. В мои намерения не входит тебя пугать, хотя понимаю, что с этим ничего не поделаешь. Но если ты настаиваешь на том, чтобы позвонить властям, может быть, сначала мне нужно чем-нибудь прикрыться?

– Тебе нужна одежда, – глупо произнесла я. – Верно. Хорошо. Конечно. Я… Я сейчас вернусь.

Я поднялась по шаткой лестнице в свою студию и дрожащими пальцами отперла дверь, дважды чуть не выронив ключи. Оказавшись внутри, я тут же забаррикадировалась, запершись на все замки.

Квартира выглядела так же, как и перед моим уходом на работу. Утренняя кофейная чашка на стойке. Кровать аккуратно застелена. Цветок в горшке – Эдгар – на окне. На фоне привычной реальности моего дома вся странность ситуации с Кассиэлем казалась еще более из ряда вон выходящей.

На площадке за моим домом находился голый мужчина. И только.

«А крылья? А черные глаза? А бескровная белая кожа?»

– Всему этому есть правдоподобное объяснение, – пробормотала я, успокаивая дыхание. Удар головой об стену оказался серьезнее, чем я думала.

За исключением того, что Кассиэля я обнаружила до удара головой. А есть объяснение того, откуда у него крылья?

«Не будем об этом».

Я подняла телефон, готовая набрать 911. Появится полиция, и этот человек исчезнет из моей жизни. Все вернется на круги своя. Я могла бы принять горячую ванну, разогреть рамен и, свернувшись калачиком на постели, провести все выходные в обнимку с книгами, пока мне снова не понадобится куда-то идти.

Так же, как в прошлые выходные. И в следующие будет то же самое.

«Ведь ничего ужасного, если я сначала принесу Кассиэлю какую-нибудь одежду?»

Да. Ужасно.

Я набрала «девять» и снова остановилась.

Героини моих любимых романтических фантазий всегда оказывались в опасных ситуациях. Они храбро встречали их лицом к лицу и в итоге выясняли, что обладают особыми способностями, или становились королевами фантастических земель. Принести одежду обнаженному мужчине, красивому обнаженному мужчине, со шрамами и экзотическими глазами – это не то же самое, что спасти королевство или попасть в Нарнию, но все равно уже что-то.

«Абсурд, – насмехался ехидный голосок, который, казалось, появлялся всегда, когда мне хотелось постоять за себя или попробовать что-то новое. – Это не книга, а реальность, и в тебе нет ничего особенного. Ты глупышка Люси, живущая своей глупой никчемной жизнью».

Я вздернула подбородок.

– Не сегодня.

Подобное заявление не превратило волшебным образом мои нервы в стальные канаты. Но я читала, что храбрость состоит не в том, чтобы не бояться. А в том, чтобы делать, несмотря на страх.

Я покопалась в шкафу среди простых блузок, свитеров и платьев в поисках того, что могло бы подойти Кассиэлю. Во мне почти пять футов и пять дюймов[3 - Примерно 165 см.]. Он же был ростом около шести футов[4 - Примерно 180 см.] и

широк в плечах…

«С крыльями или без них?»

– Хватит.

Я отодвинула в сторону вешалки и ощутила в груди резкую боль утраты. Удар был таким внезапным и сильным, что все остальное попросту вылетело из головы.

Папин плащ.

Он любил говорить, что плащ немного старомодный, но в нем он чувствует себя Хамфри Богартом из «Касабланки». И всегда надевал его, когда мы по воскресеньям ходили в кинотеатр «Олд Вик» в Милфорде на дневные сеансы классики кино.

Я прижала манжету к щеке и вдохнула. Папы не было уже шесть месяцев, но присущий ему запах одеколона «Олд Спайс» и табачного дыма до сих пор не выветрился.

«Кассиэлю подойдет».

Эта мысль была приятной и одновременно ужасающей.

– Ни за что, – выдавила я сквозь стиснутые зубы. – Абсолютно нет.

Мне показалось, что я мысленно слышу папин голос.

Мне это больше не нужно, тыковка. И тебе тоже. Я навсегда останусь с тобой.

«Я навсегда останусь с тобой» – эта фраза была одной из последних, сказанных мне папой.

Пока рак не забрал его.

Я подчинилась его последнему желанию и продала большую часть его вещей, а также наш дом в Коннектикуте, чтобы после окончания Университета Нью-Йорка со степенью бакалавра в области биоинженерии у меня было состояние. Но вместо того, чтобы устроиться в лабораторию или присоединиться к исследовательскому проекту по очищению океана от пластиковых частиц после разложения мусора, я устроилась на небольшую должность в некоммерческую организацию, где никто не ожидал многого от застенчивой девушки, сидевшей в уголке и прекрасно справлявшейся с электронными таблицами.

– Не могу, папочка, – пробормотала я в рукав. – Я не могу отдать твой плащ какому-то незнакомцу.

Ну вот, я снова это делала. Осторожничала. Делала то, чего от меня ожидали: ничего.

Я сняла плащ с вешалки, в последний раз уткнулась в него лицом и вышла обратно.

Кассиэль все еще оставался там же, где я его и оставила. Он выглядел слабым и беспомощным.

«Он не слабый и не беспомощный. И ты это знаешь».

Вот только я не знала, кто он такой. И даже думать себе не позволю над этим вопросом. Я вдохнула, готовая заорать «Убивают!», если Кассиэль, эм… планировал меня убить.

– Думаю, подойдет, – произнес он, глядя на стиснутый в моих руках плащ.

Он неуклюже поднялся на ноги, шатаясь из стороны в сторону. Отводя взгляд, я передала плащ отца, а затем быстро отошла. Кассиэль повернулся, и я мельком увидела еще несколько шрамов, пересекавших его спину, пока их не скрыл плащ. Немного тесноват в плечах, но прикрывал достаточно хорошо.

– Хорошо, ну… думаю, тогда все на этом. Удачи.

– Люси, подожди.

Кассиэль покачнулся и вскинул руку, хватаясь за воздух. Инстинктивно – сумасшедшая, ей-богу – я бросилась к нему, а не прочь. Подхватила его под руку и чуть не согнулась под внезапной тяжестью. В нос ударил запах дыма и раскаленного металла и еще какой-то странный запах, который мне не удалось определить.

Я посмотрела на Кассиэля, а он опустил на меня взгляд. Казалось, будто в глубине его глаз полыхал огонь. Тысячи восходов и закатов, сменявшихся на протяжении тысячелетий. Они затягивали меня, пока я не услышала крики…

– Что происходит? – выдохнула я.

– Мое время истекает, Люси Деннингс, – ответил Кассиэль, его голос был подобен дыму. – Мне нужна твоя помощь. Через одиннадцать дней все будет кончено. К лучшему или к худшему. И каким бы невероятным это ни казалось, я стремлюсь к лучшему.

– К лучшему?

– Может быть, уже слишком поздно; у меня много грехов. Бесчисленное множество. Но я хочу попытаться. Мне нужно, чтобы ты показала мне, как это делается.

Мое сердце вырывалось из груди. Мне стоило убежать, но я этого не сделала.

– П-показать тебе что?

– Как найти свой путь обратно к свету.

«Потому что он был изгнан».

По телу пробежал холодок, когда безумные подозрения о том, кем или чем является Кассиэль, начали воплощаться в реальность.

– Нет. Я… я не могу. – Я отпустила его и попятилась. – Не могу сделать то, о чем ты просишь.

– Люси…

– Нет. Я не как те девушки из романов. Хотелось бы, но нет. Я не могу тебе помочь. Мне очень жаль…

Я поднялась на три ступеньки к своей квартире, когда низкий голос Кассиэля пригвоздил меня к месту:

– Этот плащ принадлежал твоему отцу.

Я повернулась, мой пульс бился медленно, но сильно.

– Что ты сказал?

– Он его. Ты сохранила его, а остальное раздала. – Кассиэль растерянно нахмурился. – Что такое Хам-фри Бо-гарт?

Кровь отхлынула от моего лица.

– Кто тебе сказал?..

– Он мне сказал.

– Ты разговариваешь с моим отцом? Сейчас?

– Он говорит, что ты должна позволить мне объяснить. – Он снова нахмурился, прислушиваясь. – Не совсем понимаю, при чем тут тыквы…

– Ты лжешь, – едва выговорила я дрожащими губами, но принялась отчаянно оглядываться в поисках своего отца. – Ты лжец и жестокий…

– И первое, и второе. – Кассиэль скривил губы. – Но не сегодня.

Я тяжело дышала, ком в горле от сдерживаемых слез грозил задушить меня.

– Не знаю, кто ты и откуда о нас знаешь, но позволять какому-то незнакомцу насмехаться над моим горем – неправильно. И страшно.

– Я позволю себе не согласиться, – резко ответил Кассиэль. – Страшно – вручать судьбу своей вечной души в руки человеческой девушки, у которой явно не хватает на это смелости.

Я покачала головой.

– Ты нездоров. Тебе нужна помощь.

– Разве я не об этом говорил с самого начала? – Кассиэль провел рукой по своим растрепанным темным кудрям. – Боги, женщина, у меня нет времени…

– Мне все равно! – закричала я, отступая и ударяясь бедром о перила лестницы. Боль была острой, но не пробудила меня от этого безумия. – У тебя плащ моего отца. Это уже слишком много, но больше ты от меня ничего не получишь. А теперь оставь меня в покое, или я вызову полицию.

Кассиэль пробормотал проклятие, а затем произнес громче:

– Он просит передать тебе, что всегда будет с тобой.

Я замерла и обернулась.

– Он говорит, что это может показаться безумием, но мне нужна твоя помощь. И ты никогда не была из тех…

– Кто поворачивается спиной к нуждающемуся в помощи, – закончила я. – Боже мой. – Я сделала еще один шаг ближе, расправила плечи и встретилась взглядом с Кассиэлем. – Это взаправду?

– Взаправду.

– Почему я?

– Люси, рожденная светом, ты можешь помочь мне стать другим. Не таким… какой я сейчас.

Вокруг меня роились образы черных крыльев, черных глаз и смерти.

– А ты сейчас…

– Порожденный тьмой.

За короткие мгновения реальность исказилась. В конце концов, я шагнула в пресловутый шкаф, и назад не отступить. Да я и не хочу. Кассиэль излучал странную энергию, которая что-то пробуждала глубоко внутри меня. Немного смелости, о которой я и не подозревала. Прогнать его сейчас означало бы снова ее усыпить.

«А я и так многое проспала в своей жизни».

– Мой отец здесь? Со мной?

– Всегда.

– Он ангел?

– Можно и так сказать.

– Но ты нет.

Это был не вопрос.

– Нет, – ответил Кассиэль. – Я не такой.

– А как тебя называют?

Мне казалось, что я тону в его янтарном взгляде.

– Разве ты не догадываешься, Люси Деннингс?

– Расскажи.

«Мне нужно это услышать».

– У нас много имен, – произнес Кассиэль. – Хьянги. Фраваши. Ками. Джинны. Якши. Сильфы. Какодемоны. Демоны…

Солнце опустилось за высокие небоскребы, окутав город длинными тенями. Кассиэль выжидающе смотрел на меня.

Я задержала дыхание, а затем выдохнула:

– Демон.

3

На землю опустилась ночь, а на моей кухне демон ел сухой завтрак.

Я сидела у окна за своим крошечным письменным столом, и меня переполняли сомнения. Обхватив себя руками, я не смела пошевелиться или отвести взгляд от Кассиэля. Он сгорбился за островком, который служил мне обеденным столом, и ложку за ложкой поглощал кукурузные хлопья. Сейчас его мог сдуть даже легкий ветерок, но рано или поздно он восстановит свою полную силу. Силы, какими бы они ни были.

«Будь храброй. Это твой дом».

Я встала со стула и заставила себя приблизиться к демону, чтобы налить стакан воды. Затем прислонилась к столешнице, рассматривая лицо своего гостя. Даже бесцеремонно запихивая хлопья в рот, он был безбожно красив.

Ключевое слово – безбожно.

– Сколько времени прошло с тех пор, как ты в последний раз ел? – поинтересовалась я, наблюдая, как Кассиэль зачерпывает хлопья ложкой, оставляя при этом мокрые пятна молока на рукаве папиного плаща.

– Пятьдесят лет, – ответил он. – Плюс-минус десять минут.

– Что это значит?

Тишина в ответ. Я прокашлялась.

– Ты, должно быть, голоден, если прошло пятьдесят лет.

– Я не нуждаюсь в еде. – Кассиэль фыркнул, как будто это предположение оскорбило его достоинство. – Или в питье. Мне даже спать не нужно. На Этой Стороне нет ничего, что мне нужно, – он поднял на меня взгляд. – Кроме тебя.

По позвоночнику пробежала дрожь, но неприятной она не показалась. Раньше я никому не была нужной. И уж точно не мужчине, похожему на Кассиэля.

Прошло несколько мгновений, в течение которых слышно было лишь, как демон шумно доедал свою миску кукурузных хлопьев и наливал уже третью по счету.

– Я чувствую, что ты наблюдаешь за мной, Люси Деннингс, – произнес он, не поднимая глаз.

– Что ж, у меня всего около миллиона вопросов.

Например, во что я ввязалась, или что, если меня эпически обманули.

«Ну разумеется, так и есть, – пикнул внутренний насмешливый голосок. – Глупышка Люси, думаешь, что ты особенная? Ты действительно веришь, что этот странный мужчина, которого ты впустила в свой дом, – кающийся демон, пытающийся спасти свою душу?»

Кассиэль поднял голову и прищурил глаза:

– Помолчи, Деб.

– Деб?

– Один из твоих демонов, – пояснил Кассиэль, возвращаясь к еде. – Довольно мерзкая, к слову.

По рукам и спине пробежала волна мурашек.

– Один из моих демонов? И сколько же их у меня?

– Только двое.

– Только?

– Двое – это мелочи. Будь их больше, я, возможно, не смог бы тебя найти.

«Он меня искал».

Почему-то этот факт не напугал меня так сильно, как ожидалось.

Меньше, чем то, что у меня, оказывается, есть два демона.

– Демона зовут Деб?

– А другая – К, – сказал Кассиэль. – На этом лучше и остановимся. Демоны любят слышать свои истинные имена из уст людей и часто приходят, когда их позовут.

– Господи, – я вздрогнула. – Что они со мной делают? Точнее… почему они мои?

– Не только твои, – поправил Кассиэль. – Они одни из самых могущественных в наших рядах. Деб – это Чума. Как инфекционное заболевание. Она заражает людей и не дает им реализовать свой истинный потенциал. А К – Убийца, повергает их в ужас, если они все равно попытаются.

– Это… ужасно.

Кассиэль пожал плечами.

– Это их работа. Грех. Порок. Безнравственность. Лень. То, что вы называете «смертными грехами», – это наши визитные карточки.

– И какая же визитная карточка у тебя? – поинтересовалась я, не уверенная, что хочу услышать ответ.

– Гнев.

Он сказал это прямо, без гордости или высокомерия в голосе, но и без угрызений совести. Я скользнула взглядом по его шрамам, которые выглядывали из-под ворота плаща. Снова в голове промелькнули крики и окровавленные камни из сна, но тут же исчезли.

– Тебе приходилось… убивать кого-нибудь?

– При жизни – да, – ответил Кассиэль. – Я был воином.

– Ты был человеком? Судя по крыльям, я подумала, что, может быть, ты… падший ангел.

От того, что я озвучила эту мысль, менее безумной она казаться не стала.

Кассиэль покачал головой, его глаза потемнели.

– Нет, когда-то у меня была жизнь. Давным-давно. Я командовал армиями. Теперь же мои армии не владеют мечами; мы разжигаем войны между людьми. Распаляем ярость в сердцах людей. Гнев.

– Похоже, ты не очень печалишься по этому поводу.

– Но я же здесь, верно? – произнес он и вернулся к своим хлопьям, оставив меня озираться в поисках «Деб» и «К».

Сколько раз я слышала их шепот? Который советовал мне держать при себе свои идеи по очистке океанов от пластика, потому что наверняка кто-то умнее и сообразительнее меня уже этим занимается. Или когда Яна Гилл приглашала меня куда-нибудь сходить с компанией после работы, я всегда отказывалась, боясь оказаться в неловкой ситуации. Или когда я набиралась смелости поговорить с Гаем Бейкером, голос нашептывал, что «глупышка Люси» не сможет сказать ему ничего интересного.

– Так вот что делают демоны? – спросила я через минуту, от злости голос стал резче. – Сдерживают людей? Отправляют нас на войну или заставляют нас плохо думать о себе же самом?

– Демоны не могут заставить тебя что-либо делать, – поправил Кассиэль. – Мы намекаем. Влияем на ваши решения. Уговариваем. Разжигаем огонь вашей лени, или гнева, или ревности, а затем питаемся этим. Будете ли вы действовать в соответствии с нашими желаниями или нет, полностью зависит от вас, хотя вы редко в это верите. Нашей величайшей победой было убедить людей в том, что они не могут контролировать свою реакцию на невзгоды. – Он постучал себя пальцем по подбородку. – Асмодей этим заработал себе повышение.

«Это сон. Я скоро проснусь. В любую секунду…»

Я отпила большой глоток холодной воды.

– Много ли демонов на Этой Стороне?

– Не так много. В данный момент, возможно, несколько тысяч.

– Тысяч?

– Нас легион, – сказал он. – И у тебя закончились кукурузные хлопья.

– Добавлю в список покупок, – буркнула я, когда Кассиэль вытер рот тыльной стороной рукава и соскользнул с табурета. Он решил побродить по моей гостиной.

Подошел к окну и побарабанил своими длинными пальцами по стеклу.

– Оно заперто?

– Да, но…

Кассиэль толкнул его и открыл.

– Я оставляю его приоткрытым только летом, – сказала я, потянувшись снова его закрыть. – Это небезопасно…

– Никто не посмеет причинить тебе вред. Пока я здесь.

От прозвучавшей в его голосе угрозы по спине пробежали мурашки. У меня никогда не было мужчины или разумного его подобия, который поклялся бы так защищать меня. Словно под его присмотром моя безопасность была сама собой разумеющейся.

Это приятно.

Кассиэль продолжил осмотр, направившись в спальню, и наклонился рассмотреть фотографию на моей тумбочке. На ней мы с отцом на Кони-Айленде, когда мне было десять.

– О, так он улыбается, – пробормотал Кассиэль. – А то я уже начал задаваться вопросом, сходит ли с его лица когда-нибудь недовольная мина.

– Папа сейчас здесь?

– И да, и нет. Здесь – относительный термин.

– Я подумала, ты говорил…

Кассиэль раздраженно махнул рукой, просматривая мою забитую до отказа книжную полку.

– Он всегда здесь и в то же время где-то в другом месте. Везде и нигде. – Демон склонил голову набок, прислушиваясь, затем усмехнулся. – Позволю себе не

согласиться.

– Вы сейчас разговариваете?

– Он говорит, что я намеренно расплывчато выражаюсь. Как будто так легко объяснить природу космоса примитивному человеческому мозгу, для которого истина – это только то, что воспринимается чувствами.

– Это немного грубо, – заметила я. – У многих людей есть вера.

Кассиэль фыркнул.

– Ее видимость. Лишь привычка стоять на коленях раз в неделю, если точнее.

– У тебя смутное представление о человечестве. – Я скрестила руки на груди. – Вряд ли справедливо подстрекать людей к войне и ненависти, нашептывать нам на ухо, что мы недостаточно хороши, или вводить нас в искушение, а потом осуждать за это.

Кассиэль пожал плечами.

– Я демон. И никогда не претендовал на то, чтобы быть справедливым.

Я закатила глаза и взяла в руки фотографию. Мы с папой улыбаемся. Оба беззаботны и счастливы. Там нет никаких демонов.

– Он теперь ангел, – пробормотала я, обводя пальцем его лицо.

– Играет на арфе, проплывая мимо жемчужных врат на пушистом белом облаке? – поддразнил Кассиэль. Он провел пальцем по ряду любовных романов на моей полке. – Врата рая или адское пламя. Божественный или дьявольский. Ангел или демон. Для вас, людей, все черно-белое, в то время как существует тысяча оттенков серого. – Он снял книгу с полки и выгнул бровь. – Уж точно больше пятидесяти.

– Ладно, тогда на что это похоже?

– Другая Сторона? – Он пожал плечами, бросил книгу на пол и продолжил осмотр моей квартиры. – Ты не сможешь понять, а я бы предпочел не доводить тебя до безумия своими попытками объяснить.

– М-да, спасибо, – проворчала я и поставила книгу на полку. Кассиэль просунул голову в мою крошечную ванную.

– Я знавал монахов с бо?льшим мирским имуществом, чем у тебя, Люси Деннингс.

Я пожала одним плечом.

– Здесь все, что мне нужно.

Он указал на мои полки.

– Тебе нужны все эти книги? В основном романтическая литература, как я заметил.

– И поэзия. Мне нравятся поэзия и романтика. – Я смущенно улыбнулась. – Люблю красивые слова.

Кассиэль фыркнул.

– Эти «красивые слова» заменяют тебе реальность.

– Я… это неправда.

– Неправда, говоришь? – Он растянулся своим длинным телом на моем слишком маленьком диване. – Один табурет у стойки. Один стул за письменным столом. Я в шоке, что твоей кровати хватит для двоих.

Я оттянула воротник свитера, потому что меня внезапно бросило в жар.

– В этом доме нет места для дополнительной мебели. И не то чтобы это тебя касалось, но у меня не так уж часто бывают гости.

«Точнее никогда, глупышка Люси».

Кассиэль пожал плечами, потянулся за пультом от телевизора, лежавшим на кофейном столике, и начал переключать каналы.

– Мы можем заказать пиццу?

Я выхватила пульт из его рук и выключила телевизор.

– О, конечно, давай закажем пиццу. Как только ты скажешь мне, что я должна, по-твоему, делать. Помочь тебе не быть демоном?

Он пристально посмотрел на меня.

– Мое искупление лежит на тебе, Люси Деннингс. Ты эксперт в жизни ради других, из кожи вон лезешь, чтобы всем угодить, часто за свой счет.

– Ничего подобного, – тихо возразила я.

– Как говорится, ты бы последнюю рубашку отдала ближнему.

– Это… неправда.

– Останемся каждый при своем мнении.

Я сильнее закуталась в свитер. В груди змеей свилась в клубок неприятная нервозность. Масштабность того, о чем меня просили и во что заставляли поверить, поражала. Демонические или нет, но голоса в моей голове оказались правы: я была доверчивой и глупой и всегда хотела видеть в людях лучшее, даже когда они явно мною пользовались.

– От этого разговора мне становится не по себе, – сказала я. – Просто безумие с моей стороны тебя впустить. Насколько я знаю, все ложь и ты здесь, чтобы… сделать мне больно.

Ленивая ухмылка Кассиэля исчезла.

– Я же говорил, что никогда не причиню тебе вреда.

– Говорил, но чего стоит слово демона? И как я должна тебе помочь? Ты совершил Бог знает сколько преступлений…

– Бог знает, – тихим голосом согласился Кассиэль. – До последней пролитой капли крови, Бог знает все.

Я вздрогнула.

– Это было ошибкой. Думаю, тебе следует уйти.

Демон сел, склонив голову и свесив руки с колен.

– Прости меня, Люси, рожденная светом. Прошло почти четыре тысячи лет с тех пор, как я в последний раз отдавал себя на милость человеческого великодушия. – Он поднял на меня взгляд, и выражение его лица было странно нежным. – Я поклялся никогда…

– Что?

Он отвел глаза.

– Ничего.

Его словно окутала боль и вторым плащом опустилась на плечи. Или доспехи вдруг стали слишком тяжелыми. Мое сердце невольно смягчилось по отношению к нему, но он был прав. Я действительно прогибалась перед другими, и иногда – в большинстве случаев, если быть честной, – потом возникало ощущение, что мной воспользовались.

Я скрестила руки на груди.

– Как я могу тебе доверять?

– Твой собственный отец заверил тебя в этом.

– А если о нем ты тоже солгал?

– Ты спрашивала, здесь ли он, и я ответил… размыто. – Кассиэль раздраженно поморщился. – Ладно. Я выразился грубо и пренебрежительно. Так лучше?

Несмотря на ситуацию, я улыбнулась. Я почти видела, как папа стоит над Кассиэлем, уперев руки в бока, и отчитывает его. Почти. Как бы сильно мне ни хотелось верить, но там никого не было.

– Когда теряешь близкого человека, самое тяжелое – думать, что он ушел навсегда, – сказала я. – В глубине души ты знаешь, что это неправда, но тихие голоса сомнения шепчут: «Что, если так и есть?»

Кассиэль кивнул, а затем склонил голову набок, прислушиваясь. Когда он заговорил, его тон звучал намного мягче прежнего.

– Он просит напомнить тебе о детстве. Как ты делала домашнее задание в столовой, пока он готовил ужин на кухне вашего дома в Милфорде.

– Милфорд. – На глаза навернулись слезы. – Я помню.

Всплывшая в памяти картинка такая четкая, словно это было вчера. Папа хлопочет на кухне нашего уютного дома, в воздухе витает аромат тушеного мяса или соуса для спагетти. Я, с косичками, сижу за столом, окруженная организованным беспорядком разбросаных бумаг. Я была отличницей и всегда старалась делать все, что в моих силах, чтобы папа мной гордился, хотя он никогда не требовал от меня слишком многого.

– А если тебе нужна была помощь с уравнением или возникал какой-нибудь вопрос, – продолжал Кассиэль, – он приходил к тебе на помощь, а затем, когда все проблемы находили свое решение, возвращался на кухню.

Я кивнула, и мой голос стал не громче шепота:

– Да. Так он и делал.

– Ничего не изменилось. Он всегда рядом, Люси. Он просто в соседней комнате. И, если понадобится, придет к тебе.

Теперь слезы полились рекой, но я улыбнулась сквозь них, чувствуя, словно с плеч свалился тяжелый груз. Он не исчез и никогда не исчезнет полностью, но впервые за шесть месяцев я почувствовала, что снова могу дышать полной грудью.

– Спасибо, Кассиэль.

До этого я не произносила его имени. Возможно, у меня разыгралось воображение, но мне показалось, что воздух между нами пришел в движение. Задрожал, словно размытое марево над костром, а затем все стихло.

– И я помогу тебе, – добавила я. – Не знаю даже, как или с чего начать, но… попытаюсь.

Глаза Кассиэля расширились, когда мы встретились с ним взглядами.

– Благодарю тебя, Люси Деннингс, – тихо произнес он. Затем его раздраженное хмурое выражение лица вернулось, словно он на мгновение позабыл о своей маске. – А теперь мы можем заказать пиццу?

Я заказала пиццу для своего демона и свернулась калачиком на кровати, пока он на диване смотрел телевизор. В конце концов, мои веки отяжелели; события дня и бурные эмоции вытянули из меня все силы, и я задремала, слушая беглые комментарии Кассиэля ко всему подряд. Он то презрительно насмехался, то бормотал что-то на своем странном языке. Языке, который, казалось, вытащили из могилы: пыльный, гортанный, веками не слышимый живыми.

Я заснула, и мне приснилась женщина.

Она стоит в поле, спиной ко мне, ее черные волосы до талии заплетены в толстую косу. На ней бесформенное шерстяное платье, подпоясанное чуть ниже талии. Ее кожа бронзового цвета, а серебряные браслеты с голубыми камнями скользят по запястью, когда она прикрывает глаза рукой от заходящего солнца.

Вдалеке на берегу реки раскинулся город с низкими домами из глинобитного кирпича.

Я слежу за ее взглядом и вижу процессию солдат, марширующих в город. На фоне торжественного воя рогов до меня доносятся слабые звуки ликующей толпы.

Женщина тихонько вскрикивает от радости, и мое сердце тоже подпрыгивает. Она подхватывает юбки и бежит в сторону городских ворот…

4

Демон в обличье обычного вышибалы слоняется у входа в «Праздные руки». Судя по мрачному смеху, ругани и неприятным запахам, которые просачиваются из-за тяжелой дубовой двери, спрятанной в темном переулке, таверна полна.

Вышибала пустым взглядом наблюдает за моим приближением.

– Я упала на Землю и вот я лежу…

– Кто поможет мне снова подняться?[5 - Строчка из стихотворения Иогана Фольфганга Гёте «Падающая звезда».] – заканчиваю я.

Он кивает.

– Можешь войти.

Я оглядываю переулок. Здесь пусто, но вокруг ощущается дыхание Нью-Йорка, наэлектризованное и живое. Даже самой глухой ночью здесь кипит жизнь. Свет.

Убедившись, что за мной никто не наблюдает, я снова возвращаю свою демоническую форму и едва сдерживаю вздох облегчения от ощущения, как меня, словно доспехами, окутывает сила и мощь. Слабость после Перехода прошла; черная одежда и двуручный меч, которые я ношу на Другой Стороне,

тоже ко мне вернулись.

Вышибала отступает назад, отводя глаза.

– Милорд Кассиэль, я даже не предполагал. Прошу меня простить.

Еще недавно я бы ликовал от ужаса, который внушает мое присутствие.

Теперь же он напоминает обо всем, чем я заслужил подобную репутацию.

– Прочь с дороги! – рычу я.

Он еще раз кланяется, повинуясь, и я вхожу в «Праздные руки». В темной таверне без окон разит дюжиной отвратительных запахов – смрад исходит от собравшихся здесь двадцати или около того демонов. Каждый в своем истинном обличье. «Праздные руки» – это безопасное убежище, невидимое для человеческих глаз.

Мало кто обращает внимание на мое появление, но из-за стойки на меня пялится Эйстибус[6 - Eistibus – демон прорицания.]. Джинн, кажется, рад меня видеть, но не удивлен.

– Лорд Кассиэль. – Эйстибус сжимает мою руку. – Сколько лет, сколько зим!

– Пятьдесят лет, по человеческим меркам.

– Очень долго, и все же кажется, что это было вчера. – Джинн бросает взгляд на дверь в задней части общего зала. – Лорд Астарот[7 - Ashtaroth согласно западной демонологии – один из самых высокопоставленных демонов в адской иерархии.] ждет…

– Я в курсе.

Пусть подождет.

– Как посчитаешь нужным, – медленно протягивает Эйстибус. – Какого тебе яда?

Это не фигура речи; не одна и не две бутылочки на полках помечены черепами со скрещенными костями.

– Вина, пожалуйста. Красного.

Эйстибус ставит передо мной бокал вина цвета запекшейся крови. От пояса и выше джинн выглядит как полный, богато одетый мужчина, вокруг его толстой шеи красуется множество дорогих украшений, а все пальцы унизаны сверкающими перстнями с драгоценными камнями. Ниже золотого пояса на талии его тело состоит из тумана, который тянется из лампы, замурованной где-то в фундаменте таверны. Ходят слухи, что Эйстибус проиграл пари Аклахайру[8 - Aclahayr – демон азартных игр (англ.).].

– Надолго на Эту Сторону?

– Нет, – отвечаю я и делаю глоток вина. – На несколько дней.

«И потом все так или иначе закончится».

– А что насчет тебя? – спрашиваю я. – Как идут дела?

– В последние дни тут многолюдно. Что странно. В большинстве же случаев здесь только я и этот гнилой ублюдок.

Он дергает подбородком в сторону демона в конце барной стойки. Его голова покоится на полированной столешнице из красного дерева, а одна костлявая рука обхватывает кучу пустых рюмок.

Эйстибус ударяет кулаком.

– Эй! Ба-Магуйе![9 - Ba-Maguje – дух пьянства (англ.).] А ну убери свою чертову уродливую рожу с моей стойки.

– Отвали, – невнятно бурчит Ба-Магуйе. – Я работаю.

Эйстибус хихикает, но смех быстро стихает. Его золотистый взгляд мечется к задней двери, а затем снова ко мне.

– Не хочу давить, но лорд Астарот весьма непреклонно выразил свое желание видеть тебя немедленно.

– Уже пытаешься от меня избавиться? – улыбаюсь я. – Думал, мы друзья.

– Мы друзья, – соглашается Эйстибус. – Отсюда и предостережение. И надеюсь, ты мне тоже верный друг, а потому поторопишься и не позволишь отрезать мне яйца за то, что я не передал его сообщение.

– У тебя нет яиц, Эйстибус, – ухмыляюсь я, а затем хлопаю ладонью по стойке. – Да иду я, иду.

Я допиваю вино, и теперь десятки глаз – или то, что служит глазами, – следят за каждым моим движением, пока я пересекаю зал. Перешагиваю через хвосты и обхожу мерзкие лужи. У двери расправляю плечи и стучу один раз.

– Войдите.

В комнате темно, если не считать единственной черной свечи, горящей на богато украшенном столе. Роскошная мебель, обитая потертым бархатом, и антиквариат придают месту вид гостиной в старинном особняке. В скудном свете я различаю своего милорда Астарота, Предводителя Восьмого чина, Принца Обвинителей. Он развалился на диване, его черные перепончатые крылья плотно прижаты к телу, а загнутые кончики блестят за копной влажных спутанных волос. Он выглядит – и пахнет – как труп, вытащенный из болота. Мне требуется вся выдержка, чтобы не отшатнуться от его дыхания, наполнившего воздух удушающим смрадом.

Астарот поглаживает голову своей огромной белой змеи, которая обвилась вокруг дивана и наблюдает за мной черными глазами. Младшие слуги шныряют и поскуливают за пределами света, как крысы.

– На колени.

Я повинуюсь и падаю на колени посреди комнаты.

– Мой принц демонов, – протягивает Астарот, угроза сквозит в каждом слове. – Ты так прекрасен и совершенен в своей злобе… за исключением тех случаев, когда это касается ее.

«На этот раз ее зовут Люси…»

Я хороню крошечный лучик света, который горит в моем почерневшем сердце. Даже после столетий, во время которых я опустошал землю своей яростью, огонек еще не погас. Люси такая же яркая и красивая в этой жизни, как и в любой другой, но одинокая. Всегда очень одинокая. Я смею думать – надеяться, – что где-то в глубине души она меня оплакивает…

– Не оплакивает, – рявкает Астарот, копаясь в моих мыслях. – Неважно, сколько из ее жизней ты будешь волочиться за ней, как дворняжка, ты для нее мертв. Даже воспоминаний не осталось. Ты знаешь, что это правда.

Я знаю, что это правда. Но не могу оставить ее такой одинокой. Мне нужно знать, что она наконец обрела счастье.

«Тогда я смогу попрощаться…»

Астарот ухмыляется и широко распахивает крылья, обдавая меня новыми волнами собственной вони.

– Я вижу твое сердце. Ощущаю на языке вкус твоей ничтожной надежды. Ложь о твоем искуплении, которую ты положил к ее ногам, могла бы меня позабавить, не будь она настолько жалкой.

– Это время принадлежит мне, – говорю я, вызывающе вздергивая подбородок. – Одиннадцать дней. Ты поклялся мне…

«Чего стоит слово демона?» – спросила Люси. Ответ, разумеется, – ничего.

Астарот кривит черные губы.

– А как насчет твоего слова? Твоего долга? Пока ты теряешь время на Этой Стороне, твои легионы остаются без командира на Другой.

Я молчу. Мой курс ясен, и я не отступлюсь. Командир движется к цели до тех пор, пока не будет достигнута победа.

«Или пока не умрет».

Я быстро прогоняю эту мысль из головы, прежде чем Астарот пронюхает о моих намерениях. Должно быть, мне это удается, потому что демон разочарованно вздыхает и обнажает огромный меч, пристегнутый к поясу. Тот тускло поблескивает в мерцающем свете свечи.

– Тогда иди сюда.

Я знаю, чего от меня ждут. Возвращаю свою хрупкую человеческую форму, тело, которое было покрыто шрамами и переломано очень много лет назад. Астарот снова оставит их на моей коже, чтобы напомнить мне о моей слабости – о том, что, пока я в человеческом теле, он может меня уничтожить.

Я рассчитываю на это, но не сейчас.

Непоколебимый, я подхожу с высоко поднятой головой. По обе стороны от Астарота за мной наблюдают младшие слуги, ожидая, когда я проявлю слабость, жаждая урвать кусочек моего страха. Им ничего не достанется. Я мог бы уничтожить бесов одним словом или одним взмахом меча.

Обнажаю руку и протягиваю ее Астароту, как кусок жертвенного мяса.

– Ты истратил один день. Осталось десять. Мой подарок тебе.

Он проводит лезвием по плоти над запястьем, и я задерживаю дыхание, гадая, не отрубит ли он мне руку. Но рана остается неглубокая. Течет красная кровь, кажущаяся черной при скудном освещении. Боль яркая, но это ничто по сравнению с ранами, которые я получил столетия назад, при жизни, когда меня затащили в недра зиккурата и уничтожили тело и душу…

Я вырываюсь из плена кровавых воспоминаний, когда Астарот прикладывает лезвие плашмя к кровоточащей ране. Раздается шипение, причудливо вьется дым. Боль пробирает до костей, посылая волны жгучей агонии. Бесы раболепствуют и скулят. Но я даже не морщусь. Держусь стойко и позволяю Астароту получить свою плату.

Когда все заканчивается, я убираю руку, а вместе с ней принимаю и боль. Я наслаждаюсь ею.

Пока она принадлежит мне, а не Люси, чего я никогда не позволю, я могу это вынести.

От моего стоицизма у Астарота разочарованно сникают крылья. Его голод не утолен, но наш договор не нарушен.

– Оставь меня, – велит он, поворачиваясь ко мне спиной. – Иди развлекайся. Трать свое время.

– Благодарю, милорд.

Я склоняю голову и ухожу, оставляя в комнате вонь моей собственной горелой плоти. Прислужники скулят и пресмыкаются в тени у ног Астарота, как голодные бездомные собаки.

«Пускай они сдохнут с голоду».

– Кассиэль.

Я останавливаюсь и оборачиваюсь.

– Я знаю, ты веришь, что ее счастье – единственное доступное тебе искупление, но тебя ждет неудача. Она возненавидит тебя еще до того, как все закончится. Знаешь почему?

Человеческая кровь стынет в моих человеческих венах. Я ничего не говорю; существует лишь один правильный ответ – его.

– Потому что ты не сможешь скрыть от нее свою истинную сущность, – голос Астарота несет в себе тьму бесчисленных ночей. – Потому что твои злодеяния никто не сможет простить, даже она, пускай и сияет так ярко. Потому что ты принадлежишь мне. Твое черное сердце и твоя еще более черная душа – мои. – Он ухмыляется, обнажая гнилые зубы. – И я никогда тебя не отпущу.

5

Солнечный свет струился через открытое окно. Я проснулась, но сон о черноволосой женщине все никак не рассеивался. Он напомнил мне о других моих снах. Чрезвычайно четких, происходящих в различных эпохах далекого прошлого. Но события последнего сна, кажется, происходили гораздо раньше. В древности.

Я огляделась. Папин плащ валялся скомканный на диване, а Кассиэля нигде не было видно.

«Может быть, он мне тоже приснился».

Несмотря на рассыпанные по столешнице хлопья и пустую коробку из-под пиццы на кофейном столике, это казалось самым правдоподобным объяснением. Укол разочарования застал меня врасплох. Сильный укол, если уж честно. Кассиэль был груб и высокомерен, но обладал своим собственным странным шармом. И сексуальной привлекательностью, если быть совсем честной. Он был воином, и это проявлялось в каждой мощной линии его тела, в том, как он двигался, в мускулах, готовых к действию. От него исходили сила и опасность, но, вопреки всякой логике, рядом с ним я чувствовала себя в безопасности.

Но если Кассиэль порожден моим убитым горем разумом, то это означает, что все, рассказанное им о моем отце, – тоже плод воображения.

– Нет, – тихо прошептала я, поднимая плащ. – Я все еще верю, что ты здесь. Ты просто в соседней комнате.

Я вернула плащ в шкаф. Запах табака и одеколона приглушился экзотическим ароматом Кассиэля. Вдруг это все-таки было по-настоящему? Но где он, черт бы его побрал?

«Черт и побрал. Очевидно же».

Я проигнорировала язвительное замечание и застелила свою кровать. Заправила каждый уголок, разгладила каждую складочку, пока не стало казаться, что в ней никто не спал. Никто никогда здесь не спал, кроме меня. В последний раз я делила постель с парнем на втором курсе Университета Нью-Йорка.

Джефф Хастингс учился в моей группе и был таким же девственником, как и я. Мы решили покончить с девственностью вместе. Весь опыт оказался неуклюжим и неловким, но не совсем неприятным. Я даже задалась вопросом, не было ли между Джеффом и мной чего-то большего, но секс укрепил его уверенность в себе. Он поблагодарил меня за то, что я «оказала ему большую услугу», и остаток года провстречался с Синди Нгуен. Насколько мне известно, они теперь женаты и у них уже трое детей.

С того времени я сходила на несколько свиданий, которые ни к чему не привели. Я убеждала себя, что слишком сосредоточена на учебе для серьезных отношений. Но не успела оглянуться, как учеба закончилась, отец умер и я получила работу в «Оушен Альянс». Я зажила скромной жизнью: без происшествий, тихой, безопасной. Маленькой.

«Чистилище, созданное мною самой».

Зазвонил телефон, вырвав меня из размышлений. Видеозвонок от Коула Мэтисона.

Я улыбнулась и нажала зеленую кнопку ответа.

– Привет!

– Я тебя разбудил? – Он откинул упавшие на глаза светло-каштановые пряди. – В десять утра по твоему времени, в субботу?

– Не совсем. – Я рассмеялась. – Неужели я выгляжу такой невыспавшейся?

– Вообще-то нет. Ты выглядишь прекрасно. – Коул поправил квадратные очки в черной оправе. – В тебе что-то изменилось. Волосы распущены и взъерошены. Это даже сексуально.

Я смущенно коснулась своих волос.

– У меня… была длинная ночь.

– Оу? Пожалуйста, скажи мне, что ты наконец-то занималась взрослыми делами.

– Нет, ничего подобного. Просто сны мутные.

– Черт. Я надеялся, что тот парень с твоей работы… Как, говоришь, его зовут?

– Гай.

– Верно. Я надеялся, что этот Гай наконец-то вытащил голову из задницы и пригласил тебя на ужин, а после ужина вы решили вместе выпить. Ну а после выпивки перепихнулись…

– Хотелось бы. – Я уселась на диван и разгладила помятое платье, в котором и заснула. – Но Гай никуда голову не засовывал. У него нет недостатка в женском внимании, а я не давала ему повода меня заметить.

– Ага. Люси, ты удивительная. Это не так уж трудно заметить.

– Именно это ты и должен говорить. Ведь ты мой лучший друг. Как дела в колледже?

Я познакомилась с Коулом в Нью-Йоркском университете, и мой талантливый друг получил заветное место в Королевском колледже искусств в Лондоне. Прошел год, а меня до сих пор переполняла гордость за него.

– Работы хватает, но и для моего второго проекта время остается. – Коул отошел от экрана и вернулся со своим блокнотом для рисования. – Пятнадцатый номер в серии «Моя подруга Люси. Исследование».

Он поднял карандашный набросок, на котором безошибочно узнавалась я. Такой реалистичный, как будто Коул работал по фотографии, а не по памяти. Работа Коула, художника-портретиста, заключалась в том, чтобы не просто нарисовать человека, но и отразить его внутренний мир. Набросок точно отобразил мою внешность: лицо в форме сердечка, россыпь веснушек и каштановые волосы до плеч. Каждая черта проста и поразительно заурядна.

– Это с нашего последнего телефонного разговора, – сказал Коул. – Обрати, пожалуйста, внимание на тяжесть в твоем взгляде и красивую, но грустную улыбку.

– Не будь ты таким талантливым, я бы обиделась.

– Я переживаю, Люси.

– Знаю, но не устаю повторять, чтобы ты перестал.

– Ничего не могу с этим поделать. Все эскизы начинают выглядеть одинаково. – Он мягко улыбнулся. – Мне стоит переименовать эту серию в «Натюрморт с Люси».

Я потянула за торчащую из платья нитку.

– После ухода папы мне тяжело.

– Знаю, а еще знаю, какая ты.

– И какая же?

– Ты никуда не выходишь. И к тебе никто не приходит. Ты чересчур милая, во вред себе.

– Нельзя быть чересчур милой.

– Ты спросила, в порядке ли я, на похоронах твоего собственного отца. – Улыбка Коула смягчилась. – Я не жадный; готов поделиться твоей потрясающей красотой по крайней мере с еще одним человеком.

Мои мысли вернулись к Кассиэлю.

На Этой Стороне нет ничего, что мне нужно. Кроме тебя.

– Вау, – воскликнул Коул. – Что это было? У тебя лицо озарилось.

– Что? Нет. Это твое воображение…

Я осеклась, когда большой черный ворон влетел в комнату через открытое окно. Не закрывать которое настоял Кассиэль. Птица зависла в воздухе, затем увеличилась в размерах и как будто развернулась. В следующее мгновение в моей гостиной уже стоял Кассиэль, одетый во все черное. Черные джинсы, черные ботинки и черная куртка поверх выцветшей футболки с надписью «Metallica».

Коул взволнованно рылся в поисках карандаша и не слышал моего шокированного возгласа. Я с усилием моргнула, как будто это могло спасти мозг от короткого замыкания.

«Это на самом деле только что произошло?»

– Коул, мне нужно идти. Кто-то эм… в дверь постучал.

– Серьезно? – Теперь Коул улыбался от уха до уха, его взгляд метался между мной и блокнотом для рисования, пока рука быстро порхала над листом. – Расскажи.

– С кем ты разговариваешь? – требовательно спросил Кассиэль. Громко.

У Коула за стеклами очков округлились глаза.

– Вот черт, нежели я только что слышал?..

– Мне пора, люблю тебя, попозже перезвоню. – Я сбросила звонок и посмотрела на Кассиэля. – Серьезно?

Демон свирепо пялился в ответ.

– Наше дело носит частный характер, или я не упомянул об этом?

– Это был мой лучший друг, и я ничего ему не сказала. Он бы решил, что я сошла с ума. На самом деле я и сама не очень уверена, что это не так. Только что ты был… птицей?

– Ворон – мой аникорпус, – пояснил Кассиэль. – Своеобразный способ передвижения на Этой Стороне.

– Ох, ну разумеется. Аникорпус. Ничего необычного. – Я нахмурилась. – Откуда у тебя одежда?

– Вся материя – это энергия. Как только я обретаю одеяние, то манипулирую ее энергией и соединяю со своей собственной. Оно становится частью меня, точно так же, как энергии моих различных тел – ворона, демона, человека. Они все внутри меня. Я могу носить все, что захочу, по своему желанию.

– Ладно. Притворюсь, что все поняла. – Я заправила прядь волос за ухо. – Но, когда я тебя впервые увидела, на тебе определенно не было одеяния.

– Чтобы манипулировать энергией, нужна сила. На тот момент у меня ее не было.

– Разумеется. – Я покачала головой. – Погоди. Я раньше уже видела тебя в образе ворона. Когда впервые нашла. У меня был сон или видение о подвале в храме.

Кассиэль, занятый рытьем в моих кухонных шкафчиках, замер.

– Ты видела храм? – спросил он, не оборачиваясь.

– Мне показалось, что да, но я не уверена. Там было довольно темно. А еще много крови и… горя. Кажется, твоего горя.

Демон еще мгновение помолчал, а затем возобновил ревизию полок.

– Это потому, что мы стали связаны после того, как ты произнесла мое истинное имя. Моя сущность просочилась в твою. Ничего больше.

– Но это видение возникло до того, как я произнесла твое имя…

– Твои припасы неудовлетворительны, Люси Деннингс, – произнес Кассиэль, все еще стоя ко мне спиной. – Удивительно, как ты выживаешь на таком скудном пропитании.

Он менял тему разговора, но я не стала придавать этому значения, больше поглощенная тем, как мужское присутствие Кассиэля заполнило мою маленькую кухню. Я не жаловалась, что при первой встрече увидела его обнаженным, но обтянутое одеждой стройное, мускулистое тело выглядело особенно эффектно.

«И черный – это абсолютно его цвет».

Я оборвала свои похотливые мысли о демоне и прокашлялась.

– Погоди, а где именно ты обрел одеяние?

– Я вселился в мужчину моего роста и телосложения, пока он ждал в очереди, чтобы попасть в ночной клуб, – ответил Кассиэль, выныривая из моего шкафа с коробкой «Поп-Тартс»[10 - «Поп-Тартс» – название печенья, наиболее популярный бренд компании Kellogg. Представляет собой два слоя запеченного теста, между которыми находится сладкая начинка.]. Он разорвал упаковку и позволил обертке из фольги упасть на пол. – Я не чудовище. Разрешил ему оставить себе нижнее белье.

– Ты в него вселился?

– Почему тебя это шокирует? В ваших фильмах и книгах мало правды о моем роде, но одержимость демонами, как правило, описана точно. – Кассиэль

склонил голову набок. – Уриэль проболтался в свое время. Вся эта грязная история с монахинями в 1634 году.

Я едва не заскрежетала зубами, но взяла себя в руки.

– А ты не задумывался над тем, что почувствовал этот парень, внезапно обнаружив себя голым на публике?

Кассиэль тупо уставился на меня, жуя печеньку.

Я закатила глаза.

– Слушай, если ты собираешься стать лучше, тебе нужно научиться хоть немного сопереживать. И ты больше не можешь воровать. И вселяться в людей тоже, ради всего святого.

– «Лучше» будет недостаточно, Люси Деннингс. Учитывая масштабы моих прегрешений, для искупления потребуется нечто грандиозное. Кстати, ты подумала о моей проблеме?

– Эм… нет. Я проснулась, а тебя нет. И решила, что сама все выдумала.

– Пока ты «выдумываешь», мое время подходит к концу. На данный момент у меня осталось десять дней.

– Если у нас ничего не получится, ты навсегда останешься демоном?

Он довольно долго медлил с ответом.

– Да.

– Но что?..

– Довольно, – отрезал он. – У меня нет времени на твои бесконечные расспросы.

Я обхватила себя руками.

– Ты в плохом настроении.

– Я нервничаю, – ответил Кассиэль. – Я явился на Эту Сторону не для того, чтобы весь день сидеть в твоей крошечной квартирке. И, смею добавить, тебе тоже не следует этого делать.

– Что это должно означать?

– В твоем распоряжении весь Нью-Йорк, а ты прячешься здесь.

У меня обожгло щеки.

– Это неправда. Я хожу на прогулки и… занимаюсь всякими делами.

– Насколько мне известно, нет.

– Вообще-то тебе не следовало за мной следить.

Кассиэль пожал плечами, вгрызаясь во второе печенье.

– Ничего не мог поделать. Мне нужен был человек, который не пострадает от моего влияния. Твой свет еще не потушен. Пока.

– У меня есть свет?

Он с трудом сдерживал раздражение, как будто эта информация была общеизвестной, а не совершенно безумной.

– Между царствами живых и мертвых есть Завеса. – Кассиэль поднял свое печенье, изображая барьер. – Люди существуют на Этой Стороне. А мертвые – по Другую Сторону. Демоны толпятся как можно ближе к Завесе, чтобы выполнять свою работу с человечеством. Как мотыльки, привлеченные светом, голодные и отчаянно нуждающиеся в пище.

Я представила себе крылатые, извивающиеся тела в темноте, пускающие слюни на фоне тонкой занавески и пытающиеся добраться до людей по Другую

Сторону.

– А ангелы? Они когда-нибудь переходят на Эту Сторону?

– Некоторые да. Если у них здесь есть незаконченные дела.

– Мой отец?..

– У него есть незаконченное дело. Он не расскажет мне, в чем оно заключается, так что не спрашивай.

Я вздрогнула от резкого тона Кассиэля, чувствуя себя как отчитанный ребенок. Меня бесило, что любое взаимодействие с моим отцом проходило через демона, тогда как мне ужасно хотелось остаться с папой наедине и высказать ему все, что не успела при жизни.

Тесное пространство наполнилось душным, горячим напряжением, пока тишину не прорезал низкий, с нотками нежности голос Кассиэля:

– Твой отец говорит, что сожалеть не о чем, Люси. Все, что осталось недосказанным между вами, он читает в твоем сердце.

От слез защипало глаза.

– Правда?

– Правда.

Я судорожно вздохнула.

– Спасибо, Кассиэль.

Он кивнул, и его колючая злость смягчилась до чего-то почти теплого. Мгновение тянулось, мы встретились взглядами, и я почувствовала странную щемящую боль ностальгии, хотя и не могла точно сказать, от кого из нас она исходила. Словно ток, пробегавший от меня к нему и обратно. Едва слышимый

телефонный разговор. Я не могла разобрать слов, но у меня было чувство, которое возникает, когда я закрываю любовный роман, – желание чего-то, мне не доступного.

Или больше не доступного.

6

– Нас ждут дела, – заявила я, покачав головой. – Тебе нужна грандиозная идея по спасению, а мне – платье для рабочего мероприятия в эти выходные. Можем прогуляться до «Мейси»[11 - Одна из крупнейших и старейших сетей розничной торговли в США.] на Геральд-сквер и по пути устроить мозговой штурм.

«Ну а кто ж не ходит со своим демоном по магазинам?»

Меня не отпускало ощущение, что я попала в ловушку странного бредового сна. Но я не спала, в окно лился солнечный свет, а на моей кухне сидел красивый мужчина, жевал печенье и просил меня помочь спасти его душу.

– Только в душ схожу и переоденусь. – Я собрала кое-какую одежду, чтобы взять ее с собой в ванную. – Можешь пока посмотреть телевизор или… продолжать то, что ты делаешь.

Кассиэль обнаружил в холодильнике кочан салата айсберг и с громким хрустом откусил от него кусок.

Я приняла душ, переоделась в платье-футболку с темно-синим верхом и лоскутным рисунком по низу. Бесформенное и свободное. Мой любимый стиль, чтобы скрыть небольшой животик и бедра, которые определенно соприкасались между собой с внутренней части.

Затем заставила Кассиэля подождать, пока убирала с кухонного стола кусочки салата и крошки от печенья. По-видимому, на Другой Стороне не существовали ни правила поведения за столом, ни тараканы. Мы вышли на апрельское солнце потрясающего субботнего утра.

Было неприятно это признавать, но демон и Коул оказались правы. Предоставленная самой себе, я бы, вероятно, провела этот прекрасный день дома за книгами и продолжила откладывать поиск подходящего наряда на свадьбу моего босса, на которую я изначально боялась идти. Кассиэль шел рядом со мной, выглядев мрачно красивым. Встречные пешеходы широко расступались вокруг нас, как будто безотчетно улавливали тонкую ауру исходящей от него опасности. Я же не могла перестать на него пялиться.

Теперь он уже не походил на эксгибициониста в плаще.

Кассиэль почувствовал, что я за ним наблюдаю, и посмотрел на меня сверху вниз.

– Что?

– Ты не сияешь.

– Прошу прощения?

– Я шучу. – Или схожу с ума. – Просто вспомнила об одной из моих любимых книг, романе о вампирах.

– Я не вампир.

– Думаю, ты хотел сказать: «Вампиров не существует, Люси».

Он мазнул по мне взглядом и снова сосредоточился на дороге.

Я разинула рот.

– Они не вымысел?

– Тебе действительно хочется знать правду?

– Вообще-то нет. Я дольше сохраню рассудок, если буду дозировать информацию. Но…

– У тебя есть вопросы.

– Всего лишь один или два… – Миллиона.

– Спрашивай.

– Я думала, тебя тошнит от моих вопросов.

– Возможно, я не принял во внимание новизну нашей ситуации.

Я усмехнулась.

– Думаешь?

– Ты не можешь меня винить. У вас снимают множество фильмов и сериалов на эту тему, но способности к сверхъестественному у человечества просто ничтожны.

– Мы пытаемся. У нас даже есть сериал под названием «Сверхъестественное». – Я ухмыльнулась. – Тебе бы не понравилось. Там про охотников на демонов.

Кассиэль фыркнул.

– Полагаю, комедия.

Я рассмеялась.

– И в любом случае считаю, что в сложившейся ситуации я довольно хорошо справляюсь. Например, я не устроила истерику со всей этой историей с аникорпусом.

– А для истерики и не было никакого повода. Я же говорил тебе, что у всех демонов на Этой Стороне есть животная форма, чтобы облегчить перемещение, не привлекая нежелательного внимания.

Я кивнула и задумалась. Помимо того что он вселился в парня и украл его одежду, куда Кассиэль ходил прошлой ночью? Вопрос вертелся у меня на языке, но я не была уверена, что хочу услышать ответ.

– Сколько раз ты был на Этой Стороне?

Он взглянул на меня, приподняв бровь.

– Спрашиваешь, часто ли я здесь появляюсь?

У меня все лицо залило краской.

– Ты понял, что я имела в виду.

– Много раз, в разные эпохи.

– Почему? С какой целью?

– По личным делам, – сухо отрезал он.

– Ты раньше бывал в Нью-Йорке?

– Бывал. Многих моих братьев тянет в города; люди в них более склонны к порокам. А в Нью-Йорке все и так несчастны, что нам на руку. – Он заметил мою скептическую усмешку. – Ты мне не веришь?

– Я не знаю, чему верить. Я все еще наполовину уверена, что сплю. Кстати, ты когда-нибудь бывал в Японии или России во время своих путешествий на Эту Сторону?

Он упорно смотрел перед собой.

– Почему ты спрашиваешь?

– Уверена, это пустяки. Просто у меня были очень яркие сны, которые казались…

– Какими?

– Реальными. В одном сне я оказалась в Японии, сотни лет назад. Там была девушка, катившая тяжелую тачку с припасами через лес к своей деревне. Я наблюдала за ней издалека, но знала, что она – это я. Как будто моя душа вышла из тела. Меня предупреждали, что путь опасен, а в лесах полно бандитов, но у меня не было выбора. Моя семья нуждалась в продуктах, чтобы пережить зиму. Я почти добралась до дома, когда на меня напали трое бандитов. Они собирались причинить мне вред… если ты понимаешь, о чем я.

Кассиэль мрачно кивнул.

– Понимаю.

– Но вдруг из ниоткуда появился воин с маской на лице. Думаю, это был самурай. Он убил бандитов, зарубив их мечом, а затем отвез мою повозку в деревню. Он не произнес ни слова – наверное, тогда существовали правила, запрещающие мужчинам находиться рядом с незамужними женщинами. Но я чувствовала себя в безопасности. Когда мы добрались до моей деревни, самурай оставил повозку, поклонился и ушел.

– Ронин, – вставил Кассиэль.

– Что?

– Странствующий самурай, у которого нет ни господина, ни хозяина, – это ронин.

– Ладно. Откуда ты знаешь, что это был именно он?

Кассиэль пожал плечами.

– Предположение. А другой сон?

– Понятно… Ну, я жила в городке на берегу моря во время Второй мировой войны. Санкт-Петербург, Россия, но тогда у него было другое название.

– Ленинград.

– Правильно, Ленинград. – Я улыбнулась. – Ты как ходячий учебник по истории.

Он тонко улыбнулся и ждал, пока я продолжу.

– Мне было примерно столько же лет, сколько и сейчас, с неба сыпались бомбы. Их было так много, что я чувствовала, как под ногами дрожит земля. От пыли и дыма жгло глаза, и повсюду слышались взрывы и вопли людей. Я бежала, сама не зная куда, по засыпанным камнями улицам. Вдруг меня схватил русский солдат и потащил в сгоревшее здание как раз в тот момент, когда улицу сотрясло от еще одного взрыва, прямо на том месте, на котором я стояла секунду назад. Солдат спас мне жизнь. Я даже не знала его имени, но прижалась к нему, а он прижал меня к стене, защищая от обломков. Как будто, что бы мне ни грозило, он хотел, чтобы это случилось с ним, а не со мной.

Кассиэль кивнул, его лицо ничего не выражало.

– Казалось, что бомбежка продолжалась целую вечность, и мне было безумно страшно, – продолжала я. – Но в объятиях этого солдата я знала, что со мной все будет в порядке. Когда атака закончилась, он спросил, не пострадала ли я – благодаря ему все было хорошо, – а потом он просто… ушел. Убежал, исчезнув в дыму.

– Как ты думаешь, что означают эти сны?

– Не знаю. Наверное, это любовные романы так повлияли на мое подсознание. Со сном про Россию уж точно. Вероятно, я слишком много раз перечитывала «Медного всадника». – Я смущенно улыбнулась. – Я даже думаю об этом солдате как о своем Шуре.

Кассиэль не улыбался.

– Или, может быть, они действительно что-то значат, – медленно произнесла я. – Мое романтичное сердце жаждет чего-то настоящего, и каждый раз, когда я встречаю во сне мужчину, он всегда недосягаем. Он никогда не остается.

Демон втянул носом воздух.

– Твои эманации весьма увлекательны, но это не сон, и я все еще жду твой план по моему спасению. Тот, который ты не позволишь саботировать Деб и К.

– Почему ты так говоришь? – спросила я, чувствуя себя немного уязвленной его внезапной насмешкой.

– Я слышу их болтовню. Глупышка Люси и ее глупая никчемная жизнь.

Я ссутулила плечи и спряталась за волосами.

– Тебе не следовало подслушивать.

– В твоих руках моя судьба, Люси Деннингс. Если у тебя когда-либо и появлялись «большие идеи», я не вижу никаких доказательств, что ты воплотила их в жизнь.

– У меня действительно есть большие идеи, – с нажимом сказала я. – Все блокноты ими исписаны. Но я уже по уши в долгах по студенческому кредиту…

– Да и Деб с К все равно убедили тебя, что это пустая трата времени. Что ты недостаточно хороша. Что кто-то другой сделает это лучше.

Я обхватила себя за локти, жалея, что не могу свернуться калачиком. Или убежать домой, залезть под одеяло и погрузиться в книгу.

«Будь храброй».

– Знаешь, совсем не круто узнавать чьи-то слабые стороны и швырять их мне… им в лицо.

Кассиэль пожал плечами:

– Деб и К…

– Мне все равно, как ты их называешь. Их шепот не похож на демонический. Это скорее насмешливые внутренние голоса, которые я слышу всю свою жизнь.

– Вот почему мы добиваемся успеха, – заметил Кассиэль. – Большинство людей позволяют своему мозгу болтать целый день, каждый день. Симфония всякого хлама, в которую мы вплетаем наши инсинуации так, что их становится не различить.

Я нахмурилась.

– Это не просто болтовня. У всех нас есть мысли…

– Есть мысли, а существуют еще размышления, – отрезал он. – Решение о том, что съесть на ужин, или решение математического уравнения – это размышление. А большинство мыслей – просто шум и, как правило, бесполезный.

– Так как же человеку избавиться от своих демонов?

Кассиэль посмотрел на меня, и его взгляд внезапно потяжелел. В голосе зазвучали командные нотки:

– Перестать их слушать, Люси. Мори их голодом своим невниманием.

– Легче сказать, чем сделать.

– Деб жаждет твоего стыда. К ждет твой страх. Они этим питаются.

Я взглянула на него.

– А чем питаешься ты?

Он отвел глаза.

– Болью, которая возникает, когда у тебя отнимают что-то ценное. Яростью от несправедливости происходящего. Скорбью по утраченному.

Боль приглушила его голос, и я снова вспомнила видение с храмом и глубокую, черную пропасть страдания, которая, казалось, была готова поглотить меня целиком. Мне нестерпимо захотелось взять Кассиэля за руку. Я даже позволила

себе едва коснуться тыльной стороной своей ладони его руки. Легкое, осторожное прикосновение. Дала ему знать, что я рядом, если он захочет…

Кассиэль вздрогнул и засунул руки в карманы позаимствованных джинсов.

– Вернемся к нашему вопросу, – резко произнес он. – Какой бы план по моему спасению ты ни придумала, он должен быть хорошим, Люси Деннингс. И в нем не должно быть ничего «маленького».

«Ему не нужно твое утешение, глупышка Люси. Он здесь ради себя. Не ради тебя».

Боже, как же я устала чувствовать себя ничтожной из-за этих голосов. Я отогнала свою тревогу и собралась с духом, чтобы последовать совету Кассиэля: перестать кормить своих демонов.

– Если мы собираемся быть партнерами или что-то вроде того, тогда ты должен вести себя как партнер, – выпалила я, когда мы свернули направо с Сорок девятой улицы на Седьмую авеню. В нескольких кварталах отсюда колокола собора Святого Патрика пробили полдень.

– Партнер, – повторил Кассиэль. – Так вот кто я?

– Нет, если продолжишь говорить, как Деб и К. И нет, если продолжишь утверждать, что я слишком часто отсиживаюсь дома или заменяю реальную жизнь любовными романами.

– Разве это не так?

– Нет. Я не часто выхожу в люди, потому что я интроверт, – сказала я. – Что, насколько мне известно, не является преступлением. И нет ничего плохого в том, чтобы наслаждаться чтением романов. Они о любви, которая является самым сильным чувством на земле. В них можно пережить разные сценарии романтических историй: от ненависти до любви, второй шанс… И герои-мужчины могут быть миллиардерами, мафиозными бандитами или членами мотоклуба, но у всех у них есть одна общая черта. Они готовы умереть за свою женщину.

– Так вот чего ты хочешь, Люси Деннингс? Мужчину, который отдаст за тебя жизнь?

Сначала я решила, что он шутит, но когда подняла глаза, то наткнулась на абсолютную серьезность в его взгляде.

– Мне не нужно никаких крайностей, – ответила я с тихим смешком, не обращая внимания на зачастившее сердце. – Но мощь такой любви, когда ты чувствуешь себя потерянным без другого человека, когда ваши сильные и слабые стороны дополняют и помогают друг другу, когда вы вместе растете над собой и становитесь лучше, любите и любимы… Да, этого мне хочется. – И теперь, произнеся это вслух, я вдруг поняла, что меня привлекают любовные истории, потому что в них чуствуется что-то знакомое и близкое сердцу, хотя сама я никогда не была влюблена.

Святые угодники, я уже давно так много не говорила. И особенно о своих сокровенных чувствах. Я снова посмотрела на Кассиэля, ожидая, что его разозлят мои девчачьи размышления, но он ловил каждое слово. Мой пульс застучал еще громче.

– Я хочу сказать, что во время чтения таких книг ты влюбляешься и испытываешь все эмоции вместе с персонажами. И да, надеешься, что с тобой тоже случится что-нибудь подобное. Это неоспоримый плюс фантазии – в ней возможно все. И вообще, что плохого в том, чтобы немного прожить чужое счастье?

Кассиэлю нечего было на это ответить, да и мы уже подошли к универмагу. Может быть, все-таки получилось до него достучаться. Я медленно вдохнула и выдохнула. Лицо больше не горело пожаром, а плечи расслабились.

«Так вот каково это – постоять за себя».

Мне понравилось. Очень понравилось.

– А как насчет тебя? – спросил Кассиэль через минуту.

– Что насчет меня?

– Где твое счастье, Люси? Где твой бандит-биллионер? Тот мужчина, который звонил сегодня утром? Он твой герой?

– Коул – всего лишь друг. Мой лучший друг.

– Ты сказала ему, что любишь его, – сухо заметил он.

– Потому что так и есть, – ответила я. – Но это не романтический вид любви. Он художник, учится на другом конце света. – Я бросила на демона тяжелый взгляд. – И он гей.

– К чему этот убийственный взгляд?

– Ты знаешь, к чему.

Он оскорбленно приложил ладонь к груди.

– Не смотри на меня. Разжигание определенных предрассудков – это сфера деятельности Надрока, а он считается жуткой сволочью, даже среди мне подобных.

– Хорошо. Потому что, честно говоря, я не думаю, что смогу помочь тебе заработать искупление, если ты приложил руку к таким вещам, как гомофобия или расизм.

Он ухмыльнулся.

– Но подстрекательство людей к войне простительно?

– Существуют сотни причин, по которым люди сражаются друг с другом, – заметила я. – Ты виноват во всех них?

– Эм… нет.

– Иногда война необходима, чтобы остановить зло. И, кроме того, не мне решать, достоин ли ты прощения, – сказала я, пока мы стояли на светофоре на углу

улицы. – Но тот факт, что ты здесь и хочешь все исправить, уже кое-что значит. Очень много значит.

Наступило короткое молчание, и странная связь между нами ощутилась острее.

– Мне трудно поверить, что ты никогда не была влюблена, Люси Деннингс, – наконец произнес Кассиэль. – Учитывая твою очевидную способность к этому.

– Пока нет. – Я уткнулась взглядом себе под ноги и покраснела. – Но мне нравится думать, что у меня есть перспектива служебного романа, подобного тем, о которых пишут в книгах. На работе есть один парень. Он всегда мне очень нравился…

Я взглянула на Кассиэля и тут же отпрянула, увидев выражение его лица. Он больше не ловил каждое мое слово, но выглядел почти рассерженным.

– Ладно, неважно. Мы должны сосредоточиться на тебе, а не на мне. – Я выгнула бровь и выжидательно на него посмотрела. – Не хочу тебя огорчать, но тебе предстоит много работы.

Он лениво усмехнулся.

– Даже не знаю, с чего начать, – продолжала я, – но это должно быть что-то монументальное. Мощное. И существует только одна сила, достаточно могущественная, чтобы помочь тебе заслужить искупление грехов за оставшиеся десять дней.

– И что же это?

– Любовь. Это единственный ответ.

У Кассиэля был мрачный вид.

– Если любовь – это ключ к победе, Люси Деннингс, тогда мы уже проиграли.

– Почему?

– Потому что любви во мне не осталось.

7

Солнце стояло высоко и светило ярко, но мне казалось, что на меня упала тень. Мы приехали в «Мейси», и Кассиэль направился в мужской отдел. Я же поспешила следом и встала рядом с ним перед витриной с галстуками.

– Что ты имел в виду, говоря, что в тебе не осталось любви?

– Я имел в виду именно то, что сказал. – Он взял в руки черный шелковый галстук. – Этот.

– Этот стоит восемьдесят долларов, – ответила я. – Кассиэль…

Я резко замолчала и ахнула. Во время нашей прогулки он снял куртку, обнажив руки, по которым впору пускать слюни. Совершенные, несмотря на шрамы. Но теперь я заметила тонкую рану на внутренней стороне запястья, похожую на счетные насечки.

Я схватила его за руку и принялась разглядывать порез. Его прижгли. Края почернели и обгорели.

– Это новый. С прошлой ночи?

Кассиэль вырвал руку.

– Пустяки.

– Кас…

– Ты что, мои шрамы не видела? – спросил он с легким раздражением в голосе. – Одним больше, одним меньше.

– Ты сам это с собой сделал? – тихо спросила я.

– Вроде того, – пробормотал он, рассматривая мужские рубашки. – Разве у тебя нет дел в этом магазине?

– Эм, да. На выходных у моего босса свадьба. Мы все должны присутствовать.

– И это такой тяжкий труд? – поинтересовался Кассиэль, не глядя на меня. Его слова сочились горечью. – Если мне не изменяет память, свадьбы – это радостные события.

– Крупные мероприятия с большим количеством людей – не мое.

– Мы это уже выяснили. Иди, Люси Деннингс. Найди свое платье.

Я прикусила губу.

– Кас…

– Иди.

Он повернулся ко мне спиной, и у меня не осталось другого выбора, кроме как направиться в женский отдел и выкинуть из головы его новый шрам. На время.

Я нашла симпатичный сарафан лавандового цвета с маленькими зелеными и розовыми цветочками. Идеальный вариант для свадьбы под открытым небом в Центральном парке. Простое, в стиле ампир, оно заставило меня почувствовать себя Дафной Бриджертон.

«Или, может быть, Пенелопой. А Гай будет моим Колином».

От этой мысли необходимость идти на свадьбу показалась мне чуть более привлекательной. Я боялась ее несколько недель, хотя и любила своего босса. Кимберли Пол была веселой и доброй, и ее лицо озарялось каждый раз, когда она упоминала Найлу. Их свадьба обещает быть идеальной и романтичной, в эллинге[12 - Эллинг – здесь: апартаменты на самом берегу моря и часто с видом на море из панорамного окна, которые используют для отдыха.] Центрального

парка с видом на озеро. Но для меня это подобно работе: часами улыбаться и с умным видом слоняться вокруг вместо того, чтобы спокойно посидеть в сторонке в одиночестве. Яна Гилл, из отдела бухгалтерского учета, пыталась затащить меня в свою компанию, но после короткой светской беседы повисло неловкое молчание, и я сбежала прежде, чем кто-нибудь успеет поинтересоваться моей парой на свадьбу. Или ее отсутствием.

«Кассиэль мог бы стать моим спутником».

При этой мысли я хихикнула. Если Гай был Колином, то Кассиэль – герцог Гастингс. Боже, я прямо видела выражение на лицах гостей, когда красивый мужчина с великолепными янтарными глазами придет со мной.

Продавец пробил и упаковал платье в пакет. Я вернулась в мужской отдел и обнаружила теряющего терпение Кассиэля, который ждал меня в обществе усиленно строившей ему глазки продавщицы. Он переоделся в новые черные джинсы, обтягивающую черную футболку и легкую черную кожаную куртку.

У меня буквально перехватило дыхание от того, насколько он был красив, но я быстро пришла в себя благодаря огромной куче одежды на кассе.

Я отвела Каса в сторону.

– Я не могу себе все это позволить. У меня, конечно, есть сбережения, но…

– Значит, ты можешь себе это позволить.

– Но это мои сбережения.

– А для чего ты их сберегла?

Я беззвучно открыла рот и захлопнула его. Ответа у меня не было.

– Деньги нужно тратить, Люси Деннингс, – нахмурившись, произнес Кассиэль. – Так же, как и на свадьбах нужно присутствовать. А жизнь – проживать.

Прежде чем я успела сказать еще хоть слово, он кивнул продавщице. На ее бейджике было написано «Марси». Она принялась нетерпеливо сканировать брюки, рубашки, джинсы и пиджак – все черного цвета. Я начала возмущаться, но Марси сложила футбоку хенли с длинным рукавом, которая обещала подчеркнуть каждую линию груди и рук Кассиэля.

«Ладно, кажется, мне обязательно нужно увидеть его в этом».

Пока Марси снимала с моей кредитной карты сумму, от которой у меня немного закружилась голова, я не сдержалась и снова перевела взгляд на запястье Каса.

Он почувствовал мое внимание и вздохнул.

– Я ценю твою заботу. По факту, я только на нее и полагаюсь. Но не сейчас.

Я расправила плечи.

– Да, сейчас. Откуда это взялось? Скажи мне правду.

– Тебе не нужно слышать правду, да ты и не хочешь.

– Хочу.

Его взгляд потяжелел.

– Как мне яснее выразиться? – огрызнулся он. – Это не твое гребаное дело.

Я отшатнулась и спрятала лицо за волосами, пока Марси торопливо пробивала товары, отводя глаза.

– Ладно, – пробормотала я. – Забудь. Извини, что спросила.

Я отошла на несколько шагов, делая вид, что заинтересовалась витриной с бумажниками. Я почувствовала, как Кас приблизился, уловила его экзотический, пряный аромат, который не походил ни на один из тех, что я когда-либо знала. Кассиэль осторожно прикоснулся к моему подбородку, а затем приподнял его,

заставляя посмотреть в глаза. Взгляд демона был полон раскаяния.

– Прости меня, Люси, рожденная светом. Я долгое время прожил во тьме и теперь больше чудовище, нежели человек.

К моему полному шоку, он прижал тяжелую и сильную ладонь к моей щеке. От его прикосновения по телу словно пронесся лесной пожар. Вниз по шее, между лопатками, по груди, напрягая соски. Я задохнулась от внезапного, всепоглощающего жара.

– Мое пребывание здесь имеет свою цену, – продолжил он. – Это все, что тебе нужно знать. Понимаешь?

Я слабо кивнула, чувствуя, как будто время остановилось, и в мире не осталось ничего, кроме хриплого голоса Кассиэля и его нежного прикосновения к моей коже.

– Никогда не извиняйся за то, кто ты есть. – Он отвел волосы от моего лица. – В твоей доброте заключено мое спасение.

В плещущейся в его глазах тоске я могла бы утонуть. Чувствовала, как меня затягивает в бесконечные глубины, как проваливаюсь сквозь века, восходы и закаты…

Марси прокашлялась, и Кассиэль, казалось, понял, что творит. Он отдернул руку и отвернулся, от сожаления его лицо застыло каменной маской. Мгновение пролетело так быстро, что, если бы не тающее ощущение на коже, я бы решила, что мне все это привиделось. Как и ворон, и черные глаза без белков, и крылья, и все остальное. Каждая минута с Кассиэлем казалась битвой с моим собственным чувством реальности. Как будто я жила в осознанном сне, и стоит мне лишь проснуться, как Кас исчезнет.

«И я снова его потеряю».

Подумав так, я чуть не запнулась на полпути. В этом не было никакого смысла, но, опять же, ни в чем из происходящего я его не видела.

Мы молча вышли из магазина и направились в ближайший мексиканский ресторан. Яркие цвета и теплые ароматы с кухни помогли развеять ощущение потусторонности момента в универмаге. Все казалось таким… нормальным.

За исключением аппетита Кассиэля.

Я сидела над салатом из тако и наблюдала, как демон поглощает буррито, два куриных тамале и целое блюдо шипящей фахиты.

– Но тебе же не нужно есть, – заметила я, поморщившись, когда вслед за пивом он сделал глоток орчаты.

– Все демоны жаждут еды, времени и секса.

Меня обожгло очередной волной жара.

– Ты жаждешь времени?

– На Другой Стороне времени не существует. По крайней мере, в привычном тебе понимании. Никакого четкого, линейного хода недель, месяцев и лет. Это туманное облако, в котором каждое «вчера» может стать «завтра», и тысячи завтрашних дней проходят одновременно. На Этой Стороне монотонность бесконечности нарушается с каждым новым восходом солнца.

Я подперла щеку рукой.

– Несмотря на твои сомнительные манеры за столом, ты в некотором роде поэт, Кас.

– Кас? – Он бросил на меня взгляд, а затем сосредоточился на своей еде.

– Ты не против? – Я игралась со своей салфеткой. – Просто так мне кажется более… правильно.

И очень знакомо. Потому что все, что касалось Каса, с каждой минутой становилось все более знакомым. Я подняла голову, чтобы поймать его взгляд, но он отвел глаза.

– Нет ничего поэтичного в потраченном зря времени, – раздраженно буркнул он. – Предполагается, что тикающие часы делают жизнь более захватывающей и ценной, но подавляющее большинство людей растрачивают ее впустую. Если бы ты жила вечно, то была бы еще ленивее, чем сейчас. – Он отодвинул свою тарелку, пробормотав почти себе под нос: – И я не против Каса.

Я ухмыльнулась. Демон был в некотором роде очарователен, когда раскаивался.

«И сексуален».

Это неизбежно. Да, Кассиэль обладал потусторонним магнетизмом, но в то же время он просто чертовски привлекателен внешне. Я прокашлялась.

– Ладно, время и еду обсудили, но еще демоны жаждут… эм?..

– Секса?

В нашу сторону повернулись головы. Чья-то вилка со звоном упала на тарелку.

Я еще ниже сгорбилась на стуле.

– Повтори погромче, кажется, шеф-повар тебя еще не услышал.

Кас невозмутимо пожал плечами.

– Да, мы обожаем секс. Некоторые больше, чем другие. Например, один из моих подчиненных, Амбри, выбрал стезю инкуба. Но с другой стороны, он не заинтересован в том, чтобы его спасли.

– Что ты имеешь в виду?

– Есть риск лишиться шанса на искупление, если я – прости за мой французский – трахну человека.

Матерь божья, у меня перехватило дыхание, когда от этих трех слов по позвоночнику пробежал разряд тока и устремился куда-то между ног.

«Возьми себя в руки, девочка».

Я отпила большой глоток холодной воды.

– Почему? Потому что секс считается грехом?

– Запрещен не секс, а создание нефилимов. Отпрысков демонов и людей.

– Здесь есть нефилимы?

– Конечно.

– Я бы их узнала, если бы увидела?

– Весьма вероятно. Они, как правило, тяготеют к политике.

Я рассмеялась, и его губы тоже изогнулись в легкой усмешке. Официант принес счет.

– Может быть, твое искупление в том, чтобы найти работу, которая поможет мне все это оплатить, – заметила я, оплатив счет и засунув кредитную карту обратно в кошелек. Мы вышли на улицу. – Я на этой неделе не выиграла в лотерею, чтобы финансировать земные каникулы демона.

– Это не отпуск.

– Это ты так говоришь, – возразила я, мысленно улыбнувшись, когда Кас молча взял мою сумку и понес вместе со своими покупками. – Но я не чувствую, что ты сильно торопишься или переживаешь по поводу того, что дней всего десять.

Он пожал плечами.

– Никому не полегчает, если я буду паниковать и нервничать каждую минуту бодрствования.

– Верно, но…

Я осеклась, когда мы дошли до угла улицы. Для пешеходов горел красный, и мы остановились посреди небольшой группы людей, ожидавших зеленого. К столбу прислонился бездомный мужчина. Тощий, без рубашки, с лохматыми волосами, падающими на глаза. Он пробормотал что-то про лишнюю мелочь, но никто из прохожих не обратил на него внимания. Никто даже не взглянул в его сторону.

Я нырнула в сумку Каса, в которой лежала «одолженная» футболка Metallica. Я отдала ее бездомному, а затем порылась в кошельке, в котором осталась только десятидолларовая банкнота.

– Спасибо, мисс, – произнес мужчина с благодарной улыбкой, в которой не хватало нескольких зубов. – Хорошего вам дня.

– И вам тоже, – пробормотала я в ответ и перешла через улицу. Горло перехватило.

Кассиэль пристроился рядом со мной.

– Последнюю рубашку ближнему, – тихо произнес он.

– Зрительный контакт ему был нужен чуть ли не больше, – ответила я, вытирая глаза. – Быть замеченным… кем-то, кто признает твое существование, это важно. Очень много значит. – Я судорожно вдохнула. – Забудь. Что теперь? Нам все еще нужно придумать тебе план.

Кас мгновение помолчал, размышляя.

– Я хочу отправиться на экскурсию, – заявил он наконец.

– Ты только что говорил, что это не отпуск.

– Я передумал.

– Видишь, это и есть отсутствие срочности, о которой я говорила.

– Ответ придет. Я много лет не видел город, Люси Деннингс. – Он опустил на меня взгляд. – Мне бы хотелось, в последний раз.

Глубина его взгляда и клубившаяся на дне тоска заставили мое сердце учащенно забиться.

«Потому что это его последний шанс на искупление. Это важно и не имеет к тебе никакого отношения».

Я поклялась перестать так трепетать и таять под пристальным взглядом янтарных глаз и не забывать, что он демон. Демон, который, по его собственным словам, совершил множество грехов. Но он попросил о помощи правильного человека. Он заслужил шанс, и не только потому, что был великолепен. Или потому, что я иногда ловила на себе его взгляд. Так осужденный смотрит на мир в свой последний день на свободе.

«Ах, вернулась глупышка Люси, – усмехнулась Деб или К. – Глупышка Люси с ее глупыми романтическими идеями из ее глупых книг…»

Кассиэль с рычанием обернулся ко мне. Его глаза вспыхнули чистым черным, и на долю секунды под личиной красивого человеческого мужчины промелькнул демон. Холодный ужас, впервые овладевший мною, когда я нашла Кассиэля на улице, вновь коснулся меня ледяными пальцами. Именно подобное я себе представляла, когда дементор пытался высосать душу из Гарри Поттера.

Голос смолк, и глаза Каса снова стали янтарными. Он невинно моргнул, глядя на меня.

– Пойдем?

8

Всю вторую половину дня и до самого вечера я водила Кассиэля по всему Манхэттену. Мы оставили свои покупки на Центральном вокзале, затем прогулялись по дорожкам Центрального парка, полюбовались яркими огнями

Таймс-сквер и наблюдали за заходом солнца с вершины Эмпайр-Стейт-билдинг. Я прожила в Нью-Йорке много лет, но мне показалось, что только во время этой экскурсии я по-настоящему оценила город. Как будто Кас заново знакомил меня со старым другом.

После ужина, состоящего из корейского барбекю и десерта из мороженого, и, поскольку желудок демона был бездонной ямой, второго ужина в виде пиццы мы забрали наши сумки и отправились ко мне домой в район Адской кухни.

Ночь стояла теплая и приятная, а я впервые за долгое время чувствовала себя удовлетворенной. Я вышла в люди, непринужденно болтала с Касом о своей учебе в университете и об идее использования собранного в океане пластика в производстве спортивной обуви. Каким-то образом общество Каса разрушило барьер между мной и моими чувствами, помогло побороть стеснение делиться ими. Может быть, это из-за того, что он на какое-то время отпугнул моих демонов, но я не чувствовала себя глупо или неловко. И моя идея, когда я ее озвучила, тоже не показалась мне глупой. Она казалась вполне реальной. Даже значимой.

– Возможно, пришло время поделиться своими идеями с коллегами по работе, – предложил он, пока мы прогуливались по моему району. – Они же твои единомышленники, которые отчаянно стараются спасти океаны, верно?

– Да. – Я взглянула на него. – И я знаю, что ты собираешься сказать дальше: мои великие идеи так и останутся при мне, если их никто не услышит.

– На самом деле, я собирался сказать, что сохранение океана – пустая трата времени. Через пять лет на землю упадет метеорит и люди разделят судьбу динозавров.

Я разинула рот.

– Что?..

– Шучу. – Его губы дрогнули. – Возможно.

Я рассмеялась и толкнула его локтем в бок. Кас почти улыбнулся, но вдруг его внимание привлекло что-то на другой стороне улицы. Я посмотрела как раз вовремя, чтобы заметить две тени, сбегающие от желтого конуса уличного фонаря.

– Пойдем туда, – предложил Кас, кивая на «Маллиган», ирландский паб дальше по улице.

– Что-то не так?

– Мне хочется выпить. Заведение довольно людное, а значит, хорошее.

Я отвела взгляд.

– Даже не знаю.

– Это в десяти шагах от твоего дома. Ты никогда там не была?

– Никогда.

Я приготовилась отражать его язвительные замечания. Но вместо этого он бросил последний взгляд на пустынную улицу и повел меня к пабу. Я, мягко говоря, не была большой любительницей алкоголя, но после событий последних двух дней немного выпить показалось мне очень хорошей идеей.

Внутри «Маллигана» было темно, лица многочисленных посетителей освещались лишь несколькими неоновыми вывесками «Гиннесса» и «Мерфи». В углу ревел телевизор, показывая основные моменты чемпионата мира, а ему вторила музыка из музыкального автомата. Даже самые крутые на вид мужчины сторонились демона, в то время как женщины откровенно на него глазели. Одна из них поймала мой взгляд и одними губами произнесла «молодец».

Все барные стулья были заняты. Два парня в конце стойки увлеченно беседовали, но замерли при нашем появлении. Глаза Каса снова вспыхнули черным, и я почувствовала распространившуюся в воздухе волну страха. Не говоря ни слова, парни схватили свои кружки и поспешили прочь.

– О господи. – Я толкнула Каса локтем и огляделась, чтобы посмотреть, заметил ли кто-нибудь еще. – Ты не можешь так поступать.

Он пожал плечами и выдвинул для меня один стул.

– Не люблю ждать.

Я начала было его отчитывать, но вдруг заиграла песня Devil Inside[13 - Дьявол внутри (англ.).] группы INXS.

– Твоих рук дело?

Его губы дрогнули.

– Возможно.

– Теперь мне действительно нужно выпить, – буркнула я, смеясь. – И прекрати делать подобные вещи.

Подошел бармен, и я заказала коктейль «Ирландский Олд Фешн».

Кассиэль попросил бокал красного вина.

– Только вино? – поддразнила я. – Я уж подумала, что ты попробуешь все, а мне придется взять кредит, чтобы оплатить счет.

– Вино было одной из немногих констант моего существования на Этой Стороне на протяжении сменяющих друг друга столетий.

– Столетий. – Бармен поставил наши напитки, и я отпила большой глоток. Виски обожгло горло, и на глаза моментально навернулись слезы. Но следом в желудке разлилось приятное тепло, и я расслабилась. – Даже представить не могу, сколько всего тебе довелось увидеть за эти годы. Ты путешественник во времени, Кас. О чем легко забыть, пока ты не заговоришь.

– А как я говорю?

– Как будто перенесся из другой эпохи. Ты ходячий анахронизм. Ни у одного знакомого мне парня нет такого лоска и утонченности, как у тебя.

«Потому что он не парень. Он мужчина».

– Ты чужестранец, – продолжила я, благодарная, что полумрак паба скрыл мой румянец. – Как в книге, только на этот раз Клэр осталась в своем времени, а Джейми совершил путешествие[14 - Отсылка к книге «Чужестранка» Дианы Гэблдон.].

– Полагаю, это любовный роман.

– Ну… да.

Я теребила салфетку, ожидая насмешек, но Кас выглядел задумчивым.

– Чужестранец, – задумчиво протянул он. – Подходящее название. Я покинул свою страну, свой дом и больше не принадлежу никакому месту.

– Ты всегда был… тем, кто ты есть?

– Демоном, Люси Деннингс?

Бармен странно посмотрел на нас и отошел на другую сторону барной стойки.

– Я был рожден человеком.

– Ох, точно, – ответила я. – Все время забываю, поскольку ты ведешь себя так, будто люди ниже тебя.

– В интернете множество аргументов в пользу этого.

Я рассмеялась.

– А еще, когда я впервые тебя увидела, ты не очень-то походил на человека.

– Ты обнаружила меня в моем истинном обличье. – Кас указал на себя, красивого во всем черном. – А сейчас я в своем человеческом теле. Приходится носить эту уродливую, тесную личину, чтобы не выделяться на Этой Стороне.

– Уродливую? – Я фыркнула, уже немного опьяневшая. – Ты себя видел вообще?

Он нахмурился, и легкая озадаченная улыбка тронула его губы.

Я прокашлялась.

– Я имею в виду, каким ты был при жизни.

– При жизни. – Он выплюнул эти слова, как будто они были отвратительными на вкус. – При жизни человеческое тело слишком хрупкое и легко ломается. Форма же, в которой я возродился после смерти, очень сильная. Непобедимая.

– И демоническая, – осторожно добавила я. – Мне казалось, ты пытаешься измениться. Разве это не значит снова стать человеком?

– Нет.

– Ангелом?

– Я не ангел и никогда им не стану.

Может быть, это виски уже ударило мне в голову, но от его слов по коже пробежала легкая дрожь. Но он явно не хотел обсуждать свою судьбу после искупления грехов, поэтому я сменила тему со всем изяществом подвыпившего человека.

– Где ты родился? – выпалила я.

– Шумер[15 - Шумер – древняя область в Южной Месопотамии, на территории современного Ирака. Иногда Шумером называют саму шумерскую цивилизацию и соответствующую ей территорию распространения шумерского языка.]. Тот, что вы когда-то назвали Месопотамией.

У меня округлились глаза.

– Земля между двумя реками. Колыбель цивилизации.

У Кассиэля едва заметно вспыхнул взгляд.

– Откуда ты знаешь?

– Я посещала курс антропологии в Нью-Йоркском университете. Не знаю зачем. Он не входил в мою учебную программу, но что-то в этом периоде истории меня завораживает.

– Правда? – протянул Кассиэль, уткнувшись в свой бокал вина.

– Конечно, но ни один учебник не сможет конкурировать с тем, кто жил в то время. Каково это? Где ты вырос?

– В Ларсе. Город-государство в южном регионе, недалеко от Персидского залива. Я родился там в 1721 году до нашей эры.

Мои глаза округлились еще больше.

– Вот черт! Получается, что ты…

– Шумер.

– Я собиралась сказать «старый».

Кас негромко рассмеялся, низко и хрипло, но его улыбка была прекрасна. И недолговечна.

– По человеческим меркам я считаюсь старым, но я умер в 1699 году до нашей эры в возрасте двадцати двух лет.

– Как ты умер? – Я махнула рукой. – Прости, это личный вопрос. По крайней мере, мне кажется, что это личный вопрос. Никогда раньше не приходилось никого

спрашивать, как он умер.

– Вавилонский царь Хаммурапи вел войну с Южной Месопотамией, – начал Кассиэль. – Он стремился присоединить Ларсу к своей империи. Я сражался за своего царя Рим-Сина Первого, возглавляя его армию во многих битвах, но в конце концов наши войска были разбиты. Рим-Син сбежал. – Взгляд Кассиэля потяжелел. – А я остался.

– Ты был воином, – вставила я, вспоминая один из наших первых разговоров.

Кас кивнул.

– Я до победного защищал свою родину, но все оказалось бесполезно. Хаммурапи взял город в осаду, сжег посевы, морил людей голодом. Женщины и дети умирали. У меня не оставалось другого выбора, кроме как сдаться. Меня схватили и приговорили к смерти.

– Мне очень жаль, Кас, – произнесла я, пробегая пальцами по бокалу нового коктейля. Даже не помню, чтобы заказывала его. – Но ты погиб, защищая свою родину от вторжения. Звучит не так уж и плохо. Точно не настолько плохо, чтобы…

– Обречь свою душу на вечное проклятие?

– Да… хм. Именно. Как так вышло? Если не хочешь, не рассказывай.

Он покрутил меж пальцев ножку своего бокала и уставился невидящим взглядом в его темно-красные глубины.

– Ненависть Хаммурапи ко мне не знала границ, – произнес он. – Мы воевали четыре года. Я отражал его атаки и руководил успешными набегами на Вавилон. Он винил меня в неповиновении Ларсы даже больше, чем Рим-Сина.

Я смотрела на Кассиэля круглыми глазами. Ему довелось пережить события, о которых я лишь читала в учебниках по истории.

– Захватив в плен, Хаммурапи бросил меня в подземелье зиккурата – нашего храма Уту, бога солнца. Там меня пытали и снова и снова доводили до полусмерти. Чтобы наказать за бунт. – Его голос стал жестким, а взгляд наполнился воспоминаниями. – Он осквернил наш храм и самого Уту, запачкав стены дома бога моей кровью. Но и это Хаммурапи не удовлетворило. Он приказал своим генералам схватить моих родителей, мою сестру… – Он сделал большой глоток вина. – И мою жену.

Я вспомнила странное видение, которое возникло, когда я впервые нашла Каса. По всей видимости, его воспоминания о последней ночи в храме. Укол ревности ножом пронзил грудь.

– У тебя была жена?

Он кивнул.

– Брак по договоренности, как и было принято. Не прошло и двух месяцев после нашей свадьбы, как Хаммурапи предпринял свою последнюю, победоносную атаку, и Ларса потерпела поражение. Моя жена была убита вместе с остальными членами моей семьи и ее отцом, верховным жрецом. Одного за другим их убили прямо на моих глазах. – Он втянул носом воздух, собираясь с духом. – Только когда им выпустили всю кровь, мне позволили умереть.

Меня словно молотом оглушило его болью. Любое слово сейчас прозвучало бы глупо или слабо.

– Во время Перехода беспомощная ярость и горе последовали за мной, – продолжил Кассиэль. – И, привлеченный этой болью, на Другой Стороне меня уже ждал Астарот.

– Астар…

Кассиэль взметнул палец к моим губам.

– Не произноси его имени. Ты не захочешь, чтобы он оказался в твоем мире, Люси. – Он отпустил меня. – Пусть остается в моем.

– Кто он?

– Мой командир, так сказать. Я его слуга. Его солдат. – Кассиэль сжал губы в тонкую линию. – Разжигаемый Астаротом, мой гнев быстро развратил меня. Под его руководством я стал очень могущественным. Существует всего несколько демонов, более сильных или более адских, чем он. – Он поднял на меня взгляд. – Или я.

Я откинулась на спинку стула.

– Ох.

– Астарот приютил меня в царстве, в котором ярость и ужас моей судьбы могли быть направлены в нужное русло. Я разжигал в людях эти чувства, пока они не перестали быть моими собственными. Я больше не страдал из-за них, а наслаждался ими. Мое горе стало уже не слабостью, а силой.

– Горе – не слабость, – тихо произнесла я. – Это признак любви. Любовь, которая вечна…

– А как насчет любви, которую убили у тебя на глазах? – с внезапным жаром спросил Кассиэль. – Любви, когда она выкрикивает твое имя окровавленными губами, взывая о помощи, которую ты не в силах оказать? Скажи мне, что это не слабость, Люси Деннингс. Крайняя степень слабости. Быть неспособным спасти их. Я не смог их спасти… – Он решительно покачал головой, его тон снова стал жестким. – Горе – это не любовь. Горе – это наказание за то, что ты живешь после смерти любимого человека.

Я с трудом сглотнула.

– То, что случилось с тобой и твоей семьей, невообразимо, Кас. Но тот факт, что ты здесь…

– В этом нет ничего героического. Я просто устал подпитывать огонь ярости и боли. Устал от бесконечного голода. Смерти.

Мой взгляд упал на скрытую рукавом рану на его руке.

– Если мы добьемся успеха, Ас… Твой командир отпустит тебя?

– У нас с ним соглашение. Одиннадцать дней. Не больше.

На вопрос он так и не ответил, но в моей голове уже стоял туман, а Кас снова окликал бармена. Перед нами поставили третью порцию напитков.

Я сделала большой глоток, позволяя виски меня взбодрить.

– Мне жаль твою семью, Кас, – сказала я. – Моя мать умерла, когда я была слишком маленькой, поэтому у меня не осталось воспоминаний. Но утрата отца… это было очень тяжело. Я не могу себе даже представить, через что тебе пришлось пройти.

– Это было очень давно, – произнес он, уткнувшись в бокал.

– Твоя жена… – я прокашлялась. Это слово, казалось, вызывало у меня неоправданный приступ ревности. – Ты помнишь, как любил ее?

Он повернул ко мне голову.

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– Ты сказал, что в тебе не осталось любви. Но если ты когда-то любил, возможно, еще не все потеряно. Может быть…

– Ничего не осталось, – процедил он сквозь зубы, как будто каждое слово резало его по живому. – Потому что я отказываюсь позволить себе снова заразиться этим. Любовь сродни болезни.

– Любовь – не болезнь. Она…

– Люси! – рявкнул Кассиэль. – Хватит. У меня не осталось терпения на всякую сентиментальную чушь, которую пишут в поздравительных открытках.

– Я знаю, что ты злишься, – произнесла я через мгновение. – Бог свидетель, когда я действительно скучаю по своему отцу или думаю о том, как он страдал в последние недели своей болезни, мне тоже не хочется никаких банальных сантиментов. Я бы дотла все выжгла, чтобы вернуть его.

Кас не смотрел на меня, но, казалось, слушал всем своим существом.

– Но иногда, не очень часто, горе как бы смягчается, – продолжаю я. – Острые края немного сглаживаются, и я чувствую в этом настоящую красоту. Знаю, может показаться безумием, но это правда. Красоту его жизни, кем он был и кем мы были друг для друга. Как сильно я его любила. В такие моменты мне все так же больно, но вместо злости, ненависти к судьбе и страха я чувствую благодарность.

– Благодарность? – недоверчиво переспросил Кассиэль.

– Да. Благодарность за то, что мне выпала честь его знать. И испытываемая мною боль сильна, потому что я любила его. Если бы мне предложили ее забрать, но взамен отняли воспоминания об отце, я бы отказалась. Но есть и плохая сторона… это ранит. И боль от раны настолько всепоглощающая, что за ней почти невозможно разглядеть красоту жизни. Но если просто сделать глубокий вдох и по-настоящему успокоиться, то возможно вновь ощутить ее вкус. Мы существуем, проживаем настоящее, и хорошие вещи приобретают бо?льшую ценность, когда понимаешь, что, как бы нам ни хотелось, ничто не вечно. Моя утрата несопоставима с твоей, но подобные мысли и взгляд на случившееся заставляют меня чувствовать себя лучше. Возможно, тебе тоже немного поможет.

Святые угодники, не знаю, что это было, но что-то в Касе заставляло меня болтать больше, чем обычно мне позволяла моя врожденная застенчивость. Он смотрел на меня со странным выражением на лице. Возможно, позже получится списать все на алкоголь, но я потянулась и взяла Каса за руку. Тыльную сторону ладони пересекал шрам, которого я раньше не замечала. Кассиэль напрягся от моего прикосновения, но затем расслабился. Его пальцы – пальцы воина, грубые и мозолистые – обхватили мои. Сначала еле заметно, затем крепче. Он был воплощением чистой силы: мужественный, жесткий и опасный, но не для меня.

«Моя ладонь лежала в его идеально».

Мысли, из-за виски расплывчатые, поплыли на скользкую территорию. Каково это – ощущать его кожу повсюду? Насколько идеально могли соприкасаться другие части наших тел? Какое блаженство я, вероятно, испытаю, когда мне станут известны размер и форма каждого шрама на его теле.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Адская кухня – район Манхэттена, также известный как Клинтон.

2

Telemundo – вторая по величине испаноязычная телекоммуникационная компания США после своего главного конкурента в испаноязычном сегменте телезрителей – компании «Унивисьон». (Здесь и далее – прим. пер.)

3

Примерно 165 см.

4

Примерно 180 см.

5

Строчка из стихотворения Иогана Фольфганга Гёте «Падающая звезда».

6

Eistibus – демон прорицания.

7

Ashtaroth согласно западной демонологии – один из самых высокопоставленных демонов в адской иерархии.

8

Aclahayr – демон азартных игр (англ.).

9

Ba-Maguje – дух пьянства (англ.).

10

«Поп-Тартс» – название печенья, наиболее популярный бренд компании Kellogg. Представляет собой два слоя запеченного теста, между которыми находится сладкая начинка.

11

Одна из крупнейших и старейших сетей розничной торговли в США.

12

Эллинг – здесь: апартаменты на самом берегу моря и часто с видом на море из панорамного окна, которые используют для отдыха.

13

Дьявол внутри (англ.).

14

Отсылка к книге «Чужестранка» Дианы Гэблдон.

15

Шумер – древняя область в Южной Месопотамии, на территории современного Ирака. Иногда Шумером называют саму шумерскую цивилизацию и соответствующую ей территорию распространения шумерского языка.

Купить: https://tellnovel.com/ru/skott_emma/greshnik

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить